60 1/3
6.32

26
10
065

Библиотека О-ва Л. Е. А.
60 1/3
824

ТРУДЫ
ОРЕНБУРГСКОЙ
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССІИ.

OEUVRES

de la Commisson scientifique des Archives
d' Orenbourg. Russie

ВЫПУСКЪ XXXII

Tome XXXII

ОРЕНБУРГЪ.
Типо-литографія Т-го Д-ма „А. А Хусаиновъ и К-о“ Оренбургъ
1915 г.

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ Естествознания, Антропологии и Этнографии и Государственного Российского Политехнического Музея
Государств. публичная историческая библиотека
Время поступ. 7 Июня
Инвент. № 5081
Шифр:

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

Стран.	Строка.		Напечатано.	Слѣдовало напечатать.
8	9	сверху	„третье“	„третьé“
10	6	—	документами	документами,
11	5	снизу	портивозаконныхъ	противозаконныхъ
12	12	сверху	слѣдованія	обслѣдованія
13	2	—	‹Акѳистъ	‹Акаѳистъ
16	1	—	Василя	Василія
—	12	—	Констаину	Константину
—	23	—	1866 года.	1868 года.
17	19	—	гурернаторъ	губернаторъ
18	6	снизу	небезынтерсным	небезынтереснымъ
19	4	—	вреблюдовъ	верблюдовъ
20	4	—	,въ званіи	„въ званіи
21	10	—	а между	а, между
—	2	—	дѣл,	дѣло
22	8	сверху	превосходитества	превосходительства
25	4	снизу	именіи	имѣніи
26	1	сверху	Прокофеву	Прокофьеву
—	4	—	на основанір	на основаніи
—	19	—	присутсвіе	пресутствіе
—	3	снизу	Оренбургскую губерніи	Оренбургскую
27	4	сверху	должносли	должности
—	6	—	увѣдомить	увѣдомить
—	—	—	состоялось	состоялось-ли
—	23	—	допонительныхъ	дополнительныхъ
29	8	—	резолюпіей	резолюціей
35	21	—	Василіи	Василія
—	13	снизу	ваше	вашему
38	14	—	Левашева	Левашова
41	20	сверху	афтобіографическому	автобіографическому
—	26		присуствія	присутствія
—	17	снизу	оребургскимъ	оренбургскимъ
—	12	—	челвѣкомъ	человѣкомъ
—	4	—	5 мая 1865 года)	(5 мая 1865 года)
—	3	—	гажданскій	гражданскій
—	2	—	Авдѣевъ	Авдѣевъ:
42	21	сверху	Михаильъ	Михаилъ
—	22	—	отношеніин	отношеніи
—	4	снизу	Голицина	Голицына
43	6	сверху	жительстзо	жительство
—	13	—	рѣшимся	рѣшаемся

—	22	—	позволяю	позволю
44	22	—	прокломацій	прокламацій
	23	—	отказываться.	отказываться?
45	5	—	еслы	если
46	1	—	мня	меня
—	3	—	которымъ	которыми
—	4	—	вашимъ	вашимъ,
—	21	—	вѣреятнѣе	вѣроятнѣе
—	23	—	нажительствѣ	на жительствѣ
—	16	снизу	на выѣдъ	на выѣздъ
47	7	сверху	по прежнему	попрежнему
—	19	—	крестьянинъ	крестьянъ
48	15	—	приложины	приложены
49	16	—	по расмотрѣніи	по разсмотрѣніи
—	26	—	изъ дворянъ	изъ дворянъ и
50	17	—	Харьковь	Харьковъ
—	19	—	(*sic*	(*sic*)
—	23	—	общаня	обѣщанія
—	24	—	постороній	посторонній
—	22	снизу	Лебединскому	Лебединскому,
—	—	—	во вра-	возвра-
52	3	сверху	вамъ	вамъ,
54	5	—	оберъ прокурора	оберъ-прокурора
55	8	—	Бенкедорфа	Бенкендорфа
—	5	снизу	окончиль	окончилъ
56	24	сверху	быть	быть,
—	13	снизу	Перовкому	Перовскому
—	2	—	каимъ	какимъ
57	11	сверху	така	такъ
—	24	—	воспльзоваться	воспользоваться
—	20	снизу	блственное	бѣдственное
—	18	—	исходатайствоаніи	исходатайствованіи
—	12	—	Яенваря	Января
—	11	—	сынъ,	сынъ
—	6	—	„Энцикоп.	„Энциклоп.
58	6	сверху	губернiи,	губернiи“.
—	17	снизу	растрижению	разстрижению
60	16	—	при томъ	притомъ
62	12	—	уазрушена	разрушена

N. B. Авторъ усерднѣйше проситъ извиненія за слишкомъ большое количество опечатокъ, оказавшихся на нѣкоторыхъ страницахъ, которыя вслѣдствіе непріятной случайности были отпечатаны *совсѣмъ безъ его просмотра.*

С. Н. М.

Оглавленіе.

стран.

Отъ автора . . . . . 3.

I. Акаѳистъ мировому посреднику . . . . . 5.

II. Оренбургскій купецъ Баныкинъ и С.-Петербургскій митрополитъ Исидоръ . . . . . 14.

III Въ деревнѣ Андреевкѣ . . . . . 19.

IV. Услужливый мировой посредникъ . . . . . 24.

V. Въ первый день Пасхи . . . . . 29.

VI. Насилу выпутался . . . . . 34.

VII. Оренбургскій либералъ . . . . . 39.

VIII. „На жительство въ Оренбургъ безвыѣздно“ . . . . 48.

IX. Разрушеніе древней церкви 59

Bb
I
0 65

Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи,

Вып. XXXII.

Изъ недавней оренбургской старины.

„Все, еще аще писанію предано не буетъ, въ забвеніе пріидетъ".

(*Патерикъ Печерскій*).

„Невозможно и немыслимо основательно познать настоящее, не зная прошедшаго".

(*Н. П. Бочаровъ*).

Историческіе очерки.

Составилъ дѣйствительный членъ оренбургской ученой архивной комиссіи священникъ Николай Модестовъ.

Оренбургъ.
Паровая типо-литографія
Торговаго дома „А. А. ХУСАИНОВЪ и К-о."
1915 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

518461

Отъ автора.

Въ архивѣ Оренбургской ученой архивной комиссіи намъ удалось найти нѣсколько интересныхъ документовъ, относящихся къ недавнему прошлому оренбургскаго края. Такъ какъ эти документы имѣютъ самый разнородный характеръ и плохо укладываются въ какія-нибудь опредѣленныя рамки, то мы рѣшили передать ихъ содержаніе въ формѣ отдѣльныхъ небольшихъ историческихъ очерковъ. Хотя эти очерки не связаны какой—либо одной общей идеей, но тѣмъ не менѣе мы надѣемся, что они будутъ не безполезны при изученіи прошлой жизни оренбургскаго края и даже помогутъ, быть можетъ, уясненію нѣкоторыхъ особенностей настоящей. Вѣдь, настоящее—какое бы оно не было—является въ сущности только продолженіемъ прошедшаго и находится съ нимъ въ тѣсной преемственной связи. Вотъ почему покойный историкъ-библіографъ Н. П. Бочаровъ писалъ нѣкогда: „невозможно и немыслимо основательно познать настоящее, не зная прошедшаго“...

Священникъ Николай Модестовъ.

I.

Акаѳистъ мировому посреднику.

Какъ извѣстно, одновременно съ крестьянской реформой 19 февраля 1861 года было создано учрежденіе, которое должно было регулировать создавшіяся новыя экономическія и правовыя отношенія между крестьянами и помѣщиками. Такимъ учрежденіемъ явился институтъ мировыхъ посредниковъ. Первоначально мировые посредники стояли вполнѣ на высотѣ своего положенія, но съ теченіемъ времени нѣкоторые изъ нихъ стали смотрѣть на свою должность, какъ на синекуру, и начали злоупотреблять своимъ положеніемъ. Какъ далеко могли заходить иногда эти злоупотребленія и въ чемъ они состояли,—можетъ показать отчасти сохранившееся въ архивѣ оренбургской ученой архивной комиссіи дѣло „О распространеніи крестьяниномъ Иваномъ Варушкинымъ стиховъ подъ названіемъ „Акаѳистъ“ [1])... Дѣло это настолько интересно и богато чисто мѣстными бытовыми чертами, что мы рѣшаемся кое-что поразсказать изъ него... Дѣло началось вотъ съ чего.

10 февраля 1867 года въ Куликовское волостное правленіе [2] пришелъ за полученіемъ залога [3]) крестьянинъ Воскресенской Слободы, Челябинскаго уѣзда, Иванъ Варушкинъ. Это былъ мѣстный богатѣй, который „содержалъ пятнадцать виноторговыхъ заведеній и рыбныя ловли въ разныхъ волостяхъ“ [4]). Онъ торговалъ по купеческому свидѣтельству 2-й гильдіи [5]), а прежде былъ сельскимъ писаремъ „и, по выбору общества, сборщикомъ податей“; приходилось ему не разъ бывать и подъ судомъ [6]). Короче сказать, Варушкинъ былъ деревенскій кулакъ и человѣкъ бывалый, видавшій разные виды. Придя въ волостное правленіе, онъ началъ шуточный разговоръ съ старшиной

---

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 10 марта 1867 года.
[2]) Челябинскаго уѣзда.
[3]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 10 марта 1867 г., стр. 140.
[4]) Тамъ же, стр. 28.
[5]) Тамъ же, стр. 34.
[6]) Тамъ же, стр. 39.

Шульгинымъ и, между прочимъ, въ присутствіи нѣсколькихъ крестьянъ, случайно оказавшихся въ то время въ правленіи, высказалъ ту мысль, что „государственные крестьяне надѣялись получить отъ мировыхъ посредниковъ свободу и улучшеніе своего быта, но вышло наоборотъ: благоденствуютъ мировые посредники, а крестьяне угнетены“ [1]). Въ заключеніе же всего Варушкинъ вынулъ изъ кармана бумагу „въ листъ“ величиною, назвалъ ее „Акаѳистомъ мировому посреднику“ и прочелъ изъ него нѣсколько стиховъ [2]), вызвавшихъ, повидимому, большую сенсацію среди присутствовавшихъ крестьянъ. Хотя „Акаѳистъ мировому посреднику“ не отличается никакими литературными достоинствами, а скорѣе всего можетъ быть отнесенъ къ т. н. произведеніямъ лубочнымъ, но тѣмъ не менѣе онъ очень удачно попадалъ въ цѣль. Челябинскій уѣздный судъ впослѣдствіи оффиціально призналъ, что „пасквиль на мировыхъ посредниковъ въ особенности примѣнена къ личности посредника 4 участка Челябинскаго уѣзда—г. Скорова“ [3]). Въ виду такого значенія „Акаѳиста“ мы приведемъ его здѣсь цѣликомъ. Вотъ онъ:

„Радуйся при общей потерѣ ничего не теряющій,
Всѣхъ братій своихъ избирающій,
Ничего не понимающій,
За то 1500 рублей серебромъ получающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

———

Приговора составляющій,
Миротворцемъ себя величающій,
Титулъ съ потомствомъ ожидающій,
А пока на расходы 1500 рублей серебромъ получающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

———

„Положенія“ [4]) незнающій,
Глубокомысленно излагающій,
Всѣ сословія притѣсняющій,
Ихъ—невинныхъ—обирающій
И за то 1500 рублей серебромъ получающій,

---

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 10 марта 1867 года, стр. 12.
[2]) Тамъ же, стр. 12 и 41.
[3]) Тамъ же, стр. 20.
[4]) Здѣсь говорится о Положеніи 19 февраля 1861 года, которымъ должны руководиться мировые посредники при введеніи т. н. „Уставныхъ грамотъ“, опредѣлявшихъ хозяйственныя отношенія владѣльца къ водвореннымъ на его землѣ крестьянамъ.

Радуйся посредниче, великій миротворче!

— —

Серебра и злата алчущій,
Оброки съ волостей получающій,
Половину себѣ удѣляющій,
За усердіе къ службѣ 1500 рублей серебромъ получающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!—

— —

Всегда дома пребывающій,
Кабаки въ своемъ домѣ помѣщающій,
Волостными дровами свой домъ отопляющій,
И за безкорытіе 1500 рублей серебромъ получающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

— —

О лошадяхъ предписаніе дающій,
На лошадяхъ ѣздить воспрещающій,
Самъ „безъ прогонъ“ разъѣзжающій,
А въ случаѣ требованія на станцію 10 коп. отдающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

— —

„Открытые листы“ сестрамъ выдающій,
Родню свою „безъ прогонъ“ въ городъ отправляющій,
Экономію соблюдающій,
И за то 1500 рублей серебромъ получающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

— —

Лошадей на торгахъ покупающій,
Общественнымъ овсомъ прокормляющій,
Обратно ихъ отправляющій,
И чрезъ то барышъ получающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

— —

Разсыльныхъ съ волостей собирающій,
Волостными писарями письмоводство отправляющій,
Ничего имъ за труды неполагающій,
И на расходы 1500 рублей серебромъ получающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

— —

Разъ въ мѣсяцъ на съѣздъ пріѣзжающій,
Безполезно пребывающій,
Къ молчанію другихъ подстрекающій,
И за это 1500 рублей серебромъ получающій,

Радуйся посредниче, великій миротворче!

———

Патріотомъ себя называющій,
На предводителя умильно взирающій,
Враговъ противъ другихъ возбуждающій,
И себя отъ того уклоняющій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

———

Другихъ людей осуждающій,
Десятскими свой хлѣбъ убирающій,
„Третье“ свое за дороговизну продавающій,
И чрезъ это прибыль извлекающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

———

Сходки разгоняющій,
Самъ безъ надобности собирающій,
Квартиры чиновникамъ у бѣдныхъ крестьянъ назначающій,
А самъ яйца и масло собирающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

———

За починку тарантасовъ по 2 рубля отдающій,
И съ ямщиковъ за неосторожность по 22 рубля получающій,
Портреты Комисарова [1]) по гривеннику покупающій,
И по полтиннику продающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

———

Дугу на проѣздѣ изломающій,
Таковую у ямщиковъ въ два рубля за четвертакъ отбирающій,
Ничего нетеряющій,
И полторы тысячи получающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

———

Безвинныхъ писарей прогоняющій,
Ихъ суду предающій,
На мѣсто ихъ подсудимыхъ опредѣляющій,
А неподсудимымъ мѣста не дающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

———

[1]) Костромской крестьянинъ Осипъ Ивановичъ Комисаровъ, какъ извѣстно, спасъ жизнь Государя Императора Александра II во время покушенія Караказова —4 апрѣля 1866 года. 18 апрѣля того же года онъ былъ избранъ „почетнымъ гражданиномъ г. Оренбурга“. (Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 5 апрѣля 1866 года, стр. 48).

Сукно и законы для волостей покупающій,
Съ барышомъ отдавающій,
При общей потерѣ ничего нетеряющій,
И за все это 1500 рублей получающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

Въ гостяхъ у крестьянъ пребывающій,
А оттуда на сходѣ бывающій,
За угостителей возставающій,
И за нихъ сходъ притѣсняющій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

Хозяину квартиры угождающій,
Полностью „статьи“[1]) продавающій,
За безнравственныхъ людей возставающій
И о переселеніи приговора отмѣняющій,
Радуйся посредниче, великій миротворче [2])!

„Слухомъ земля полнится“—говоритъ пословица. Дошелъ слухъ о поступкѣ Варушкина и до мирового посредника Скорова... Послѣдній, повидимому, былъ крайне взбѣшенъ поступкомъ Варушкина и въ пылу гнѣва рѣшился придать этому поступку характеръ злонамѣренной пропаганды „вредныхъ стиховъ“ и „нелѣпыхъ толковъ противъ правительственныхъ учрежденій“.[3]) Съ этою цѣлію 8 марта 1867 года онъ приказалъ куликовскому волостному писарю Рачеву написать „донесеніе по сему предмету“[4]), а чрезъ два дня, т. е. 10 марта, уже передалъ его становому приставу 5 стана Челябинскаго уѣзда—Крылову, который, вѣроятно, не случайно оказался въ тотъ день въ домѣ Скорова—въ Слободѣ Воскресенской.[5]) На оборотѣ донесенія посредникъ Скоровъ сдѣлать такую характерную приписку:

„Г. приставу 5 стана Челябинскаго уѣзда. Настоящее донесеніе Куликовскаго волостного правленія имѣю честь препроводить по принадлежности къ вашему благородію съ покорнѣйшею просьбою произведенное дознаніе по настоящему дѣлу не передавать для дальнѣйшаго производства слѣдователю Шмотину,[6]) такъ какъ сей послѣдній находится

---

[1]) Т. е. статьи Положенія 19 февраля 1861 года.
[2]) Архивъ О. У. А. К. отд., секретн., дѣло отъ 10 марта 1867 года, стр. 4—5.
[3]) Тамъ же, стр. 22.
[4]) Тамъ же, стр. 42.
[5]) Тамъ же, стр. 42 и 137.
[6]) Судебному слѣдователю Шмотину принадлежалъ 3-й участокъ Челябинскаго уѣзда. (Тамже, стр. 92—93).

въ родствѣ съ крестьяниномъ Варушкинымъ, а представить въ Челябинскій уѣзный судъ для передачи сосѣдственному судебному слѣдователю.

Мировой посредникъ А. С к о р о в ъ.

10 марта 1867 года. С. Воскресенское. № 311“ [1]).

Заручившись этими документами становой приставъ Крыловъ того же 10 марта 1867 года произвелъ обыскъ въ квартирѣ Варушкина, нашелъ въ его „письменномъ столѣ“ (конторкѣ) копію съ „Акаѳиста мировому посреднику“ и отобралъ ее,[2]) а самого Варушкина продержалъ цѣлую недѣлю подъ арестомъ [3]).

Мировой посредникъ Скоровъ, по всей вѣроятности, не разъ раскаивался въ той поспѣшности, съ какой онъ началъ дѣло о Варушкинѣ. Послѣдній не остался въ долгу у Скорова и, стараясь оправдаться, перечислялъ на слѣдствіи такія его дѣянія, которыми совсѣмъ нельзя было гордиться. Въ „Предъявленіи крестьянина Варушкина, поданномъ 25 іюня 1868 года судебному слѣдователю 2 участка Челябинскаго уѣзда—Езучевскому“, перечислялись между прочимъ, такія дѣянія мирового посредника Скорова:

1) Скоровъ бралъ себѣ деньги изъ свободныхъ наличныхъ суммъ, находившихся въ волостныхъ правленіяхъ, и взамѣнъ этихъ депегъ оставлялъ тамъ свои банковые билеты и серіи, процентами съ которыхъ пользовался самъ.

2) Скоровъ уменьшилъ болѣе, чѣмъ на 2000 рублей, общественный капиталъ, затративъ его „съ разрѣшенія *(и даже безъ онаго)* однихъ только выборныхъ на содержаніе стипендіатовъ Петровской академіи“ [4]) и на увеличеніе жалованья волостному писарю и его помощнику.

3) Скоровъ „приказалъ выдать мѣщанину Демидову деньги болѣе 200 рублей“, которыя были внесены имъ въ залогъ за общественную мельницу.

4) Скоровъ „разрѣшилъ раздѣлить семейство крестьянина Емельяна Бухарова во избѣжаніе рекрутской очереди, и безъ согласія общества, на каковой предметъ постановленъ фальшивый приговоръ“.

5) Скоровъ „дозволилъ писарю Меньщикову употребить

---

[1]) Тамъ же стр. 13.

[2]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 10 марта 1867 года, стр. 3.

[3]) Тамъ же, стр. 28

[4]) Пожертвованіе на стипендію въ Петровскую академію было сдѣлано въ 1866 году въ ознаменованіе спасенія жизни Государя Александра II. (Архивъ О У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 5 апрѣля 1866 года, стр. 106).

въ свою пользу 500 рублей, собранныхъ на наемъ сельскихъ писарей, коихъ опредѣлено не было".

6) Скоровъ „разрѣшилъ составить мірскіе приговора на уменьшеніе мельничнаго оброка" съ 120 рублей до 5 рублей въ годъ и „притомъ содержателямъ гагановской мельницы возвращены залоговыя деньги съ причитающимися на нихъ процентами".

7) „Въ угожденіе агенту своему, писарю Петрову, Скоровъ содѣйствовалъ скрыть ограбленіе крестьянина д. Токмачинской — Ивана Елсуфьева хозяиномъ квартиры Петрова, крестьяниномъ Мироновымъ (съ женою его), за что Петровъ квартировалъ у Миронова безплатно".

8) „Не только самъ Скоровъ ѣздилъ, не платя прогоновъ, но и родственники его".

9) Скоровъ „письмоводство свое отправлялъ безплатно писарями (волостными) и ихъ помощниками".

10) Скоровъ „при посѣвѣ хлѣба (90 десятинъ) для бороньбы бралъ изъ училища учениковъ (Димитрія Тренина и Осипа Луканина) безплатно и въ учебное время", а на содержаніе ихъ „выводились деньги изъ мірского капитала".

11) „Для уборки хлѣба и сѣна Скоровъ дѣлалъ на крестьянъ помочи изъ угощенія виномъ вопреки предписанія г. начальника губерніи отъ 17 декабря 1866 года за № 2121. Взирая на его дѣйствія, дѣлаютъ помочи волостные члены и писаря, и послѣдніе подъ видомъ стариннаго *„славленаго и праздничнаго"* собираютъ съ крестьянъ по селеніямъ хлѣбъ и деньги".

12) Скоровъ опредѣлилъ писаремъ въ Куликовское волостное правленіе крестьянина Шишкина „въ нарушеніе 115 ст. Высочайше утвержденнаго Положенія 19 февраля 1861 года, потому что Шишкинъ состоитъ подъ судомъ за растлѣніе дѣвицы Шалашовой".

13) Скоровъ „отобралъ у крестьянина Бухарова гульную корову дойную, которую Бухаровъ прокормилъ цѣлую зиму, и не заплатилъ ему ни за прокормъ, ни за труды, а самъ по продажѣ коровы съ торговъ истребовалъ за нее кормовыхъ третью часть — чрезъ писаря Третьякова" [1]).

„И много подобныхъ противозаконныхъ дѣйствій г. Скорова, добавляетъ Варушкинъ въ своемъ „Предъявленіи", но помѣщать здѣсь все не нахожу нужнымъ" [2]). . . .

---

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 10 марта 1867 г., стр. 138—140.
[2]) Тамъ же, стр. 140

Въ виду такихъ разоблаченій, сдѣланныхъ Варушкинымъ въ оффиціальномъ документѣ, можно было ожидать, что своеобразная и крайне подозрительная дѣятельность мирового посредника Скорова обратитъ на себя вниманіе начальства и получитъ достойное возмездіе. . . Но этого не случилось и разоблаченія Варушкина такъ и остались безъ всякихъ послѣдствій для мирового посредника Скорова. Само же высшее начальство Оренбургской губерніи и позаботилось объ этомъ. 12 октября 1867 года оренбургскій губернаторъ Боборыкинъ предписалъ судебному слѣдователю Езучевскому, чтобы онъ производилъ слѣдствіе надъ крестьяниномъ Варушкинымъ, „не касаясь при этомъ слѣдованія неправильныхъ дѣйствій мирового посредника Скорова“ [1]). Благодаря такому положенію вещей, челябинскій уѣздный судъ впослѣдствіи не придумалъ ничего лучшаго, какъ сдѣлать такое постановленіе: „Настоящее дѣло производствомъ прекратить и сдать въ архивъ“ [2]). Это постановленіе состоялось только лишь 7 ноября 1875 года.

Такимъ образомъ, дѣло крестьянина Варушкина, тянувшееся восемь лѣтъ, окончилось совершенно ничѣмъ. . . . Не правда-ли, это очень характерно даже для такой далекой окраины, какъ Оренбургская губернія?!

Но, спроситъ въ заключеніе читатель, кто же былъ авторомъ тѣхъ злополучныхъ стиховъ, изъ-за которыхъ загорѣлся весь сыръ-боръ?—Да въ томъ-то и дѣло, что авторъ „Акаѳиста мировому посреднику“ такъ и остался неизвѣстенъ суду. . . Варушкинъ все время твердилъ лишь одно, что стихи эти переданы ему воскресенскимъ волостнымъ писаремъ Николаемъ Петровымъ [3]). То же самое утверждали и свидѣтели, а одинъ изъ нихъ даже подробно описалъ всѣ обстоятельства, при которыхъ случилось это. Въ одинъ изъ святочныхъ дней января 1867 года, говоритъ онъ, былъ я по своей надобности въ домѣ крестьянина Варушкина, тамъ былъ въ то время и „волостной писарь Николай Петровъ, который между разговорами показывалъ стихи про мировыхъ посредниковъ, читалъ ихъ и далъ, по желанію Варушкина, списать съ тѣхъ стиховъ копію, при чемъ, хотя Варушкинъ и просилъ у Петрова подержать тѣ стихи, но Петровъ оставить у него на подержаніе не согласился. . . По списаніи со стиховъ копіи Варушкинъ воз-

---

[1]) Архивъ О. У. А., отд. секретн., дѣло отъ 10 марта 1867 г., стр. 33.
[2]) Тамъ же, стр. 159.
Тамъ же, стр. 23, 39 и 137.

вратилъ подлинные стихи ему, Петрову“ [1]). Самъ же Варушкинъ вотъ что писалъ однажды: „Стихи „Акаѳистъ мировому посреднику“ были не тайна: 1) священникъ села Щучьяго—Невзоровъ ясно выразилъ, что стихи тѣ онъ слышалъ прежде; 2) г. мировой посредникъ Верхнеуральскаго уѣзда, Бѣлорѣцкаго завода,—Шикинъ въ сентябрѣ 1867 года сказывалъ въ домѣ священника Слободы Воскресенской—Ивана Ильина при собраніи гостей, что стихи „Акаѳистъ мирому посреднику“ онъ читалъ еще до 1866 года; 3) стихи „Акафистъ мировому посреднику“ также видѣли и читали до 1867 года челябинскіе: учитель народнаго училища—г. Третьяковъ, инспекторъ духовнаго училища—г. Орловъ, благочинный—священникъ Протасовъ и многіе другіе. Правда, добавляетъ Варушкинъ, въ „Акаѳистъ“ занесены дѣянія, современныя чтенію, именно примененныя къ поступкамъ г. мирового посредника Скорова, но внесеніе этихъ стиховъ въ „Акаѳистъ мировому посреднику“, полагаю, сдѣлано писаремъ Петровымъ, какъ лицомъ, имѣющимъ способность къ сарказмамъ и даже подрыву чести другихъ“ [2]). Что же касается писаря Петрова, то на очной ставкѣ съ Варушкинымъ онъ упорно и твердо заявилъ ему: „стиховъ тебѣ никогда не давалъ, да и самъ не сочинялъ“ [3])... Запрошенный по этому дѣлу священникъ села Щучьяго—Невзоровъ 12 ноября 1867 года вотъ что писалъ судебному слѣдователю Езучевскому: „Въ генварѣ мѣсяцѣ текущаго года, дѣйствительно, я былъ въ домѣ крестьянина Слободы Воскресенской, Егора Аѳанасьева Иванова. Въ это время у Иванова были: священникъ Слободы Воскресенской—Стефанъ Милицинъ, инспекторъ челябинскаго духовнаго училища—Иванъ Орловъ, содержатель воскресенскаго склада—Галовъ, Слободы Воскресенской крестьянинъ Иванъ Варушкинъ. Въ домѣ Иванова, хотя говорилось о существованіи такъ называемаго „Акаѳиста (между прочимъ и о томъ,—будтобы означеннаго „Акаѳиста“ имѣется не одна редакція) но стиховъ „Акаѳиста“, какъ помнится, Варушкинъ не читалъ здѣсь; равно не сказывалъ и о томъ,—отъ кого онъ заимствовался имѣвшимся у него „Акаѳистомъ“ [4]).

Въ виду всѣхъ этихъ, иногда довольно разнорѣчивыхъ, показаній мы лично склонны думать, что ни Варушкинъ, ни Петровъ не были въ собственномъ смыслѣ авторами „Акаѳиста

---

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 10 марта 1867 г., стр. 131.
[2]) Тамъ же, стр. 137—138.
[3]) Тамъ же, стр. 65.
[4]) Тамъ же стр. 96—97.

мировому посреднику". Они воспользовались только готовой редакціей этого „Акаѳиста", давно уже ходившаго по разнымъ рукамъ, и присочинили къ нему то, что наиболѣе наболѣло у каждаго изъ нихъ и интересовало ихъ. За такой сборный составъ „Акаѳиста" говоритъ то обстоятельство, что начальные стихи его, при всей ихъ неуклюжести, все-таки нѣсколько равномѣрнѣе и лучше послѣднихъ. О томъ же свидѣтельствуетъ и неодинаковая редакція однихъ и тѣхъ же стиховъ: въ одномъ мы читаемъ „1500 рублей серебромъ получающій", а въ другомъ просто „полторы тысячи получающій". Въ нѣкоторыхъ же строфахъ этотъ стихъ и совсѣмъ пропущенъ, отчего получились строфы укороченныя и неравномѣрныя. Очевидно, неопытные и случайные авторы—стихоплеты не сумѣли подогнать составленныя ими строфы такъ, чтобы въ нихъ могъ войти тотъ стихъ, который, по мысли перваго автора, долженъ былъ составлять всю, что называется, соль каждой строфы „Акаѳиста мировому посреднику". Первымъ же авторомъ этого сатирическаго произведенія былъ несомнѣнно какой нибудь писарь изъ семинаристовъ.

II.

Оренбургскій купецъ Баныкинъ и С.-Петербургскій митрополитъ Исидоръ.

Безплодность разоблаченій крестьянина Варушкина относительно „неправильныхъ дѣйствій мирового посредника Скорова", о чемъ мы говорили въ нашемъ предыдущемъ очеркѣ, была довольно обычнымъ явленіемъ въ Оренбургской губерніи. Въ виду этого нѣкоторые жители далекой оренбургской окраины предпочитали иногда обращаться съ своими жалобами лучше прямо къ Государю, чѣмъ къ оренбургскому начальству. Такъ именно поступилъ оренбургскій купецъ Баныкинъ, когда рѣшилъ разоблачить хищенія, царившія въ илецкомъ соляномъ правленіи. Объ этой-то попыткѣ и ея результатахъ мы и хотимъ поразсказать теперь. Дѣло было вотъ въ чемъ.

Жилъ въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ 1-й части г. Оренбурга оренбургскій 2-й гильдіи купецъ Павелъ Алексѣевъ Баныкинъ. Онъ торговалъ илецкой солью и поэтому имѣлъ много случаевъ приглядѣться къ порядкамъ, какіе существовали въ то время въ илецкомъ соляномъ правленіи. Замѣтивъ тамъ крупныя злоупотребленія, Баныкинъ очень близ-

ко принялъ это къ сердцу и цѣлыхъ десять лѣтъ совершенно безплодно составлялъ разные проекты и просьбы, направленныя, какъ можно думать, къ уничтоженію замѣченныхъ имъ злоупотребленій. Въ то же время проживалъ въ Оренбургѣ и другой купецъ—Петръ Оглодковъ, который состоялъ оренбургскимъ городскимъ головой и много лѣтъ былъ комиссіонеромъ по продажѣ илецкой казенной соли. Что произошло между Баныкинымъ и купцомъ Оглодковымъ, мы не беремся сказать, но только Баныкинъ почему-то вдругъ вспомнилъ о долгѣ присяги и 28 ноября 1867 года послалъ „изъ Илецкаго соляного города", т. е. изъ Илецкой Защиты, „своеручное донесеніе" самому Государю о громадныхъ хищеніяхъ, практиковавшихся въ илецкомъ соляномъ правленіи, и о продажѣ купцомъ Оглодковымъ „похищенной казенной илецкой соли"; тутъ же Баныкинъ донесъ кстати и объ оскорбленіи Оглодковымъ великаго князя Константина Николаевича.

Хотя со времени посылки донесенія прошло очень немного времени, но тѣмъ не менѣе на Баныкина вскорѣ напало сильное раздумье, — „доставленъ-ли съ почты (его) доносъ лично Государю"? Тогда, чтобы такъ или иначе довести до свѣдѣнія Государя о своемъ доносѣ, Баныкинъ придумалъ крайне оригинальное и наивное средство: 2 января слѣдующаго 1868 года онъ послалъ особое письмо къ С.-Петербургскому митрополиту Исидору. Это письмо было таково:

„Всемилостивѣйшій
Высокопреосвященнѣйшій владыко,
Митрополитъ Исидоръ!

Имѣю честь поздравить съ Новымъ Годомъ и желаю душевнаго здравія и спасенія, получить отъ Бога все, что желаете. Я же, Баныкинъ, принимаю смѣлость умолить ваше высокопреосвященство, владыко, доложить Государю Императору и великому князю Константину Николаевичу о томъ, (что) я, Баныкинъ, изъ преданности и по долгу клятвенной присяги 28 ноября прошлаго 1867 года изъ Илецкаго соляного города послалъ съ почтою Государю Императору своеручное донесеніе (о томъ, что) отъ соли расхищено государственнаго казеннаго и моего капитала по 1-е августа 1867 года *36.542.858 рублей* и кѣмъ именно расхищено,—(мною) описано. А затѣмъ оренбургскій купецъ, городской голова Петръ Аглотковъ (*sic*) былъ много лѣтъ комиссіонеромъ, продавалъ илецкую похищенную соль и онъ же, Аглотковъ, при многихъ лицахъ обругалъ великаго князя Константина Николаевича и князя

Василія Андреевича Долгорукова [1]): обоихъ обозвалъ подлецами, бунтовщиками и возмутителями на убійства Государя Императора, а затѣмъ выразилъ, что скоро исключатъ (его) изъ царствующаго дома, а мои проекты и просьбы нигдѣ не будутъ приниматься и (за) это злостное выраженіе и поруганіе (надъ) Царемъ должно по закону виновниковъ осудить... И я, Банькинъ, по долгу клятвенной присяги довелъ до свѣдѣнія Государя Императора, но по сіе время не имѣю свѣдѣнія,— доставленъ ли съ почты мой доносъ лично Государю, мое христіанское и истинное предъявленіе, о чемъ молю и прошу ваше высокопреосвященство, владыко, доведите Государю Императору, и великому князю Константину Николаевичу и князю Василію Андреевичу Долгорукову. Какъ Господь Богъ опредѣлилъ намъ чтить царя и весь царствующій домъ хранить и доносить о великихъ злоупотребленіяхъ, которыя должно укротить, и поэтому осмѣливаюсь просить и молить ваше высокопреосвященство, владыко, благоволите своимъ великимъ милосердіемъ сказать Государю и великому князю составить рѣшеніе обо всемъ, просимъ и удовлетворить меня, Банькина, за 10-лѣтніе труды и страданіе за вѣру и долгъ клятвенной присяги, за что буду ожидать по милосердію вашему оренбургскій 2-й гильдіи купецъ Павелъ Алексѣевичъ Банькинъ, преданный отечеству.

Оренбургъ 2 января 1866 года. Имѣю жительство въ 1-й части, въ домѣ Банькиной" [2]).

Получивъ совершенно неожиданно такое странное посланіе оренбургскаго 2-й гильдіи купца Банькина, с.-петербургскій митрополитъ Исидоръ, вѣроятно, немало подивился простотѣ и наивности оренбургскаго обывателя и поспѣшилъ поскорѣе сбыть съ своихъ рукъ его письмо. Съ этою цѣлію онъ 19 января 1868 года, т. е. на на другой же день по полученіи письма Банькина, отослалъ его обратно въ Оренбургскую губернію, но не къ самому Банькину, а къ „его превосходительству, оренбургскому генералъ-губернатору Н. А. Крыжановскому". Послѣднему митрополитъ Исидоръ написалъ слѣдующее отношеніе:

Милостивый государь
Николай Андреевичъ!

Полученное мною съ почты письмо оренбургскаго 2-й гильдіи купца Павла Банькина, коимъ проситъ довести до свѣдѣ-

[1]) Князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ состоялъ въ данное время шефомъ жандармовъ и начальникомъ собственной Е. И. В. канцеляріи.
[2]) Архивъ О. У. А. К. отд. секретн., дѣло отъ 16 февраля 1868 года, стр. 4.

1878

нія государя императора и великаго князя Константина Николаевича о сдѣланномъ имъ его величеству доносѣ на оренбургскаго голову, купца Петра Аглоткова, продававшаго похищенную казенную илецкую соль, и объ оскорбленіи Аглотковымъ его высочества ругательствами, какъ неподлежащее моему вѣдѣнію и разсмотрѣнію, долгомъ поставляю препроводить при семъ на благоугодное распоряженіе вашего превосходительства.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть
вашего превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
Исидоръ, м. новгородскій и с.-петербургскій“ [1]).

Слѣдя теперь за дальнѣйшей судьбой письма Баныкина, мы должны сказать, что оренбургскій генералъ-губернаторъ Н. А. Крыжановскій [2]) на этотъ разъ недолго удержалъ его въ своей канцеляріи, а 20 февраля тогоже 1868 года счелъ своимъ долгомъ препроводить его „на дальнѣйшее разсмотрѣніе“ мѣстнаго губернатора, котораго и просилъ „о послѣдующемъ увѣдомить“. [3]). Въ отвѣтъ на это оренбургскій гурернаторъ 4 іюня 1868 года написалъ генералъ-губернатору Крыжановскому слѣдующее:

„Такъ какъ о доносѣ Баныкина, послѣдовавшемъ, какъ видно изъ письма его, въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года, не имѣется въ виду губернскаго начальства никакихъ свѣдѣній, и былъ-ли онъ даже сдѣланъ,—неизвѣстно, то по сему, не признавая возможнымъ дать какой-либо ходъ настоящему письму Баныкина, я имѣю честь представить оное обратно вашему превосходительству“ [4]).

На этомъ искусственномъ софизмѣ оренбургскаго губернатора и окончилось дѣло „По доносу оренбургскаго 2-й гильдіи купца Баныкина“. . . . Какъ видитъ читатель, оренбургскія власти были очень находчивы, когда хотѣли показать кому слѣдуетъ, что „На Шипкѣ все спокойно“. Такъ купецъ Баныкинъ и не добился ничего со своимъ письмомъ, на которое, несомнѣнно, возлагалъ очень большія надежды...

Въ заключеніе нашего краткаго очерка и въ дополненіе къ нему считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слѣдующія слова генералъ-майора Ив. Вас. Чернова:

---

[1]) Тамъ же стр. 1.
[2]) Управлялъ Оренбургской губерніи съ 1864 года по 1818 годъ.
[3]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 16 февраля 1868 года, стр. 3.
[4]) Тамъ же стр. 3.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
518461

„Въ 65-ти верстахъ отъ Оренбурга, за рѣкоюУраломъ, въ киргизской степи, говоритъ онъ, находится знаменитое богатство каменной соли—Илецкія копи, составляющія собственность казны. Не касаясь исторической части, можно много сказать о самомъ промыслѣ.

Какъ собственность казны, илецкая соль вырубалась силою человѣческаго труда: для этого употреблялись ссыльно-каторжные, приговоренные судомъ къ этому тяжелому наказанію. По свойству своему относясь къ горнымъ работамъ, промыселъ состоялъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ по департаменту горныхъ и соляныхъ дѣлъ, но мѣстными распорядителями были всегда гражданскіе чиновники, которые служили въ особомъ учрежденіи, называвшемся илецкимъ соляным правленіемъ, которое состояло изъ управляющаго, 2-хъ совѣтниковъ и нѣсколькихъ канцелярскихъ чиновниковъ.

Удаленное отъ непосредственнаго начальства, присылавшаго приказанія за 2 тысячи верстъ изъ Петербурга, и совсѣмъ изъятое отъ всякой зависимости и даже слабаго, поверхностнаго наблюденія мѣстныхъ губернаторовъ, правленіе это ознаменовало себя крупнымъ казнокрадствомъ. Соли вырабатовалось сотни тысячъ пудовъ и получались сотни тысячъ рублей; въ казну же поступало до половины 40-хъ гг. не свыше 180—200 рублей, остальная сумма оставалась въ карманахъ чиновниковъ, наживавшихъ тамъ въ короткое время громадные капиталы.

Пользовались всѣ, начиная отъ управляющаго до смотрителя въ ямѣ. Тутъ же былъ чиновникъ казенной палаты для наблюденія за исправною высылкою денегъ въ оренбургское казначейство. Всѣ воровали, всѣ объ этомъ знали, но никто не рѣшался писать о злоупотребленіяхъ, считая это напраснымъ и безполезнымъ дѣломъ“ [1]).

Къ этимъ довольно сильнымъ словамъ покойнаго [2]) оренбургскаго старожила мы можемъ прибавить только то, что иногда бывали и исключенія: нѣкоторые пытались писать о хищеніяхъ въ илецкомъ соляномъ правленіи, да толку-то изъ этого тоже никакого не выходило.....

---

[1]) „Труды“ О. У. А. К., вып. XVIII, стр. 99—100. Къ приведеннымъ нами словамъ генералъ-майора Чернова находимъ небезынтерснымъ присоединить еще слѣдующія его слова: „Сосланный въ Оренбургъ за политическія преступленія, а потомъ прощенный, извѣстный поэтъ Александръ Николаевичъ Плещеевъ женился въ Илецкой Защитѣ на дочери чиновника Токарева, который далъ за дочерью 50 т. р. серебромъ“. (Тамъ же, стр 102).

[2]) Ив. Вас. Черновъ скончался 15 октября 1902 года. (Тамъ же, стр. 14).

III.

Въ деревнѣ Андреевкѣ.

Оренбургскій край доселѣ еще славится обиліемъ свободныхъ казенныхъ земель. Чтобы заселить эти земли, русское правительство почти до самаго послѣдняго времени раздавало ихъ въ награду разнымъ чиновникамъ, которые переводили на нихъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній. Такимъ именно путемъ возникла, между прочимъ, и деревня Андреевка въ Оренбургскомъ уѣздѣ. Деревня эта принадлежала прежде отставному поручику Петру Дмитріевичу Крашенинникову и была заселена въ 1804 году крестьянами, переведенными изъ Наровчатскаго уѣзда, Пензенской губерніи [1]). Какъ жилось этимъ новоселамъ на первыхъ порахъ,—мы не беремся сказать, но за то можемъ положительно утверждать, что, когда деревня Андреевка перешла въ другія руки, къ помѣщику Станиславу Тимоѳеевичу Ціолковскому, который женился на дочери Крашенинникова [2]), андреевцамъ пришлось очень туго и жутко. Полякъ Ціолковскій, который сначала служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при оренбургскомъ военномъ губернаторѣ Эссенѣ, а потомъ (въ 1834 году) былъ назначенъ командующимъ башкирскимъ войскомъ [3]), отличался какою-то неимовѣрною жестокостію по отношенію къ своимъ крестьянамъ. За свою жестокость онъ поплатился тѣмъ, что въ 1841 или 1842 году [4]) былъ убитъ своимъ крѣпостнымъ поваромъ [5]). Трупъ же его крестьянами „послѣ похоронъ былъ вырытъ и обезображенъ наказаніемъ плетьми“ [6]). Трудно представить себѣ, что творилъ генералъ-майоръ Ціолковскій надъ своими крестьянами, если сумѣлъ довести ихъ до такого озвѣренія [7])...

---

[1]) Н. М. Чернавскій: „Оренбургская епархія“, вып. I, стр. 58.
[2]) „Труды“ О. У. А. К., вып. XVIII, стр. 55.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, стр. 95.
[5]) „Историческій Вѣстникъ“ 1899 года, май, стр. 798.
[6]) Труды О. У. А. К., вып. XVIII, стр. 95.
[7]) О жестокости Ціолковскаго можетъ свидѣтельствовать такой случай изъ времени хивинскаго похода 1839 года. „Однажды, пишетъ въ своихъ запискахъ полковникъ Зеленинъ, въ началѣ декабря около 6 часовъ утра Ціолковскій, проѣзжая по отряду, увидѣлъ, что одна жуламейка осталась неубраною,—это его взбѣсило. Жуламейка оказалась принадлежащею фельдфебелю Ясыреву, который находился въ работѣ при навьючиваніи вреблюдовъ съ 2 хъ часовъ ночи. Не принимая никакихъ резоновъ, Ціолковскій наказалъ Ясырева 250 казанскими нагайками такъ жестоко, что несчастнаго отправили въ лазаретъ“. („Юбилейный сборникъ“ О. У. А. К., изд. 1913 года, стр. 118].

Но не лучше стало жить андреевцамъ и послѣ смерти старика Ціолковскаго, при его наслѣдникахъ. Объ этомъ періодѣ жизни андреевцевъ можно судить по прошенію, поданному въ февралѣ мѣсяцѣ 1852 года крестьянкой Матреной Тучиной оренбургскому и самарскому генералъ-губернатору Василію Алексѣевичу Перовскому. Вотъ это прошеніе:

„Крестьяне деревень Андреевки и Богородицкой, принадлежащіе къ вотчинству (*sic*) помѣщиковъ Ціолковскихъ, испытывая жестокое обращеніе, неоднократно жаловались о семъ мѣстной полиціи, но единичныя жалобы ихъ вліяніемъ прежде попечителя, а въ послѣдствіи Николаемъ Станиславовичемъ Ціолковскимъ [1]) завсегда были заглушаемы съ прибавленіемъ жестокаго наказанія, отчего иные отъ страха лишили себя жизни. Равно и мужъ мой—Евдокимъ Тучинъ, будучи не въ состояніи претерпѣвать жестокія испытанія учинилъ отлучку еще въ 1850 году. Впослѣдствіи раскаявшись въ своемъ поступкѣ, когда намѣренъ былъ явиться съ повинною заявкою въ г. Оренбургъ, 7 декабря 1851 года (онъ) былъ захваченъ помѣщикомъ Ціолковскимъ, который, взявъ (его) на барскій дворъ, избилъ жестоко, а послѣ—въ Андреевкѣ, позвавъ прикащика Илью, конторщика Аксіона (Аксёна), садовника Петра, кузнеца Ѳедора, Михаила Овчинникова и Никифорова, приказалъ бить, предъявляя, что не дастъ свыше 800 розогъ. А когда стали наказывать его и дали ему уже 500 (розогъ), онъ, выбившись изъ силъ отъ истязанія, просилъ отдыха, тутъ посыпались плюхи и онъ, защищая себя, какъ-то ударилъ въ щеку помѣщика, (который) за симъ билъ (его), вязалъ, таскалъ, довершая истязанія, и впослѣдствіи предалъ заключенію въ тюремный замокъ (какъ равно преданъ и другой крестьянинъ аресту за побѣгъ еще въ 1848 голу, Трофимъ Степановъ) обѣщавъ сослать ихъ въ арестанскія роты.

Такъ какъ помѣщикъ Ціолковскій безпрерывно и нынѣ совершаетъ истязанія въ деревняхъ—Богородицкой и Андреевкѣ, то я рѣшилась о семъ довести до свѣдѣнія вашего высопревосходительства съ высокопокорнѣйшею (*sic*) просьбою оградить меня и мужа моего отъ гоненія помѣщиковъ Ціолковскихъ,, [2]) приказать о поступкахъ и жестокихъ истязаніяхъ (ихъ)

---

[1]) Т. е. сыномъ умершаго Ціолковскаго,

[2]) По словамъ Ив. Вас. Чернова, послѣ смерти старика Ціолковскаго остались три сына. Одинъ изъ нихъ умеръ въ званіи мелкаго чиновника; старшій—Виталій, служившій предводителемъ нѣсколько 3-хъ-лѣтій, не былъ избранъ при открытіи Оренбургской губерніи, жилъ бѣдно, былъ отданъ подъ судъ за растрату денегъ и умеръ въ 1889 году; Николай служилъ мировымъ посредникомъ и остался въ

учинить слѣдствіе посредствомъ своего чиновника, какъ равно крестьянъ за подобные поступки помѣщика передать въ дворянскую опеку.

При чемъ нужнымъ считаю присовокупить, что при поимкѣ мужа моего помѣщикъ Ціолковскій забралъ денегъ семдесятъ четыре рубля и шестьдесятъ копѣекъ ассигнаціями, да лошадь, стоющую сто двадцать рублей (мерина сѣраго). Опасаясь же отъ онаго (помѣщика) мщенія за настоящую жалобу вашему высокопревосходительству, покорнѣйше прошу до окончанія дѣла учинить распоряженіе въ огражденіе меня отъ побоевъ и истязаній, давъ дѣлу законный ходъ, а мужа моего—Евдокима Тучина и крестьянина Степанова, состоящихъ подъ стражею въ оренбургскомъ замкѣ по силѣ 1009 статьи XV-го тома освободить на поручительство, предавъ помѣщика Ціолковскаго суду за противозаконные поступки и жестокое безчеловѣчное обращеніе съ крестьянами“ [1].

Какъ бы кто ни сталъ смотрѣть на прошеніе крестьянки Матрены Тучиной, но всякій несомнѣнно согласится съ тѣмъ, что оно рисуетъ крайне безотрадную картину жизни андреевцевъ. Ихъ всячески истязали, и они не имѣли права даже жаловаться... Правда, они пробовали дѣлать это, но ихъ за то только еще больше истязали и терроризировали настолько, что нѣкоторые изъ страха наказанія „лишили себя жизни“, а другіе „учиняли отлучку“, т. е. проще говоря, прямо бѣжали безъ оглядки, куда глаза глядятъ и въ заключеніе всего попадали въ оренбургскій тюремный замокъ, какъ это случилось съ Евдокимомъ Тучинымъ и Трофимомъ Степановымъ.

Посмотримъ теперь—чѣмъ же разрѣшилось прошеніе крестьянки Тучиной и какіе оно имѣло послѣдствія? — Да ровно никакихъ... Правда, генералъ-губернаторъ Перовскій уже 11 апрѣля того же 1852 года препроводилъ прошеніе Тучиной „Г. оренбургскому уѣздному предводителю дворянства“ и просилъ его въ возможной скорости представить ему точнѣйшія и подробныя свѣдѣнія по содержанію онаго, а между тѣмъ, нынѣ же къ огражденію крестьянъ помѣщика Ціолковскаго отъ стѣсненій владѣльца, если таковыя имъ чинятся, принять зависящія мѣры“, [2]) но это мало помогло дѣлу. Уѣздный предводи-

---

1868 году за штатомъ, нанимался въ лѣсную кампанію наблюдать за нерасхищеніемъ сплавляемаго лѣса прибрежными жителями, занимался сельскимъ хозяйствомъ и на это жилъ; умеръ въ 1891 или 92 году“. („Труды“ О. У. А. К., вып. XVIII, стр. 95).

[1]) Архивъ О. У. А. К. отд. секретн., дѣол, отъ 10 апрѣля 1852 года, стр. 7—8

[2]) Тамъ же, стр. 2—3.

тель дворянства Крашенинниковъ, близкій родственникъ, какъ мы знаемъ уже, помѣщика Ціолковскаго, сумѣлъ представить Перовскому дѣло такъ, что помѣщикъ Ціолковскій оказался чуть-ли не невиннѣе новорожденнаго младенца. Вотъ что писалъ 22 апрѣля 1852 года уѣздный предводитель дворянства—Крашенинниковъ оренбургскому генералъ-губернатору В. А. Перовскому.

„На предписаніе вашего высопревосходительства отъ 11 апрѣля за № 7 имѣю честь донести, что просьба крестьянки гг. Ціолковскихъ, Матрены Тучиной, на помѣщика ея, коллежскаго регистратора Николая Ціолковскаго, кромѣ одного наказанія за побѣгъ мужа просительницы Евдокима Тучина, совершенно несправедлива, да и самое наказаніе, выведенное ею въ просьбѣ, чрезмѣрно увеличено, чтобы этимъ придать болѣе видъ справедливости. Что крестьянинъ этотъ за побѣгъ наказанъ, то это только по частнымъ слухамъ мнѣ было извѣстно; изъ крестьянъ же гг. Ціолковскихъ до поданной просьбы вашему высокопревосходительству крестьянкой Тучиной никто жалобъ на истязаніе и жестокое съ ними обращеніе ни мнѣ, ни становому приставу 4-го стана (котораго становая квартира—въ деревнѣ Андреевкѣ гг. Ціолковскихъ) не приносилъ, да и примѣровъ такихъ, чтобы изъ крестьянъ кто отъ страха лишилъ себя жизни никогда не бывало. Коллежскій регистраторъ Николай Ціолковскій въ имѣніе прибылъ въ 1851 году, а съ 1847 года въ Оренбургской губерніи не былъ, состоя на службѣ въ Вятской губерніи; Тучинъ же учинилъ побѣгъ въ 1850 году. Къ тому же это имѣніе какъ прежде, такъ и въ настоящее время, постоянно находится въ опекунскомъ управленіи. Если (оно) было свободно отъ опеки, то на самое короткое время, именно тогда, какъ за побѣгъ былъ наказанъ Тучинъ, и жена его,—просительница Матрена Тучина, конечно, сочла одинъ случай этотъ съ мужемъ ея достаточнымъ и быть можетъ, подучена къ тому, чтобы въ прошеніи выказать нелѣпую ложь въ томъ намѣреніи, что ей, какъ женщинѣ, все съ рукъ сойдетъ.... Были-ли отобраны деньги и лошадь при поимкѣ изъ бѣговъ Тучина,—ничего неизвѣстно. Независимо отъ этого—въ огражденіе ея, Тучиной, отъ стѣсненія—мною секретно предписано за отбытіемъ опекуна, генералъ-майора Мансурова, вновь назначенному поручику Безсонову и приставу 4-го стана—Воронову“. [1]).

Относясь критически къ этому „Рапорту“ уѣзднаго пред-

[1]) Тамъ же, стр. 5—6.

водителя дворянства—Крашенинникова, трудно признать основательными тѣ доводы, которые приведены имъ въ опроверженіе прошенія крестьянки Матрены Тучиной, да и можно-ли признать за серьезные доводы такія ничего незначущія фразы, какъ: „это только по частнымъ слухамъ мнѣ было извѣстно“, „да и примѣровъ такихъ, чтобы изъ крестьянъ кто отъ страха наказанія лишилъ себя жизни никогда не бывало“, „мнѣ ничего не извѣстно“. Изъ того, что „мнѣ ничего не извѣстно“ вовсе не слѣдуетъ, чтобы вокругъ меня ничего не происходило, а слѣдуетъ только то, что я или страдаю недостаткомъ зрѣнія или же не интересуюсь ничѣмъ, окружающимъ меня. Что же касается попытки Крашенникова установить „*alibi*“ помѣщика Николая Ціолковскаго въ день 7-го декабря 1851 года, когда по словамъ Тучиной, былъ жестоко избитъ ея мужъ, то это „*alibi*“ весьма сомнительно: развѣ не могъ коллежскій регистраторъ Николай Ціолковскій, служившій въ Вяткѣ, взять себѣ кратковременный отпускъ для того, чтобы побывать въ своемъ имѣніи и навести тамъ свои порядки, а кстати, быть можетъ, и провести тамъ свои имянины—Николинъ день? Да, наконецъ, почему не были опрошены тѣ самые прикащики, контерщики. садовники и кузнецы, которые истязали крестьянина Евдокима Тучина, по приказанію своего жестокаго помѣщика? Все это весьма значительно умаляетъ доводы Крашенинникова, приведенные имъ въ опроверженіе прошенія крестьянки Матрены Тучиной.

Но, не смотря на все это, оренбургскій генералъ-губернаторъ Перовскій почему-то вполнѣ удовлетворился „Рапортомъ“ Крашенинникова и на немъ совершенно прекратилъ начатое дѣло „По прошенію крестьянки Матрены Тучиной о жестокомъ наказаніи мужа ея помѣщикомъ Ціолковскимъ“.

Такъ и остались адреевцы опять на старомъ положеніи, въ какомъ застало ихъ прошеніе крестьянки Тучиной . . . Очевидно, положеніе это казалось тяжелымъ и ненормальнымъ только андреевцамъ, но никакъ не помѣщикамъ—крѣпостникамъ, къ числу которыхъ принадлежали прежде всего сами же—предводитель Крашенинниковъ и генералъ-губернаторъ Перовскій [1]).

---

1) Василій Алексѣевичъ Перовскій, родившійся въ 1794 году, былъ однимъ изъ четырехъ побочныхъ сыновей графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго (Н. М. Чернавскій: „Оренбургская епархія“, вып. II, стр 428). Усвоивъ еще отъ своего отца старыя барскія понятія и привычки. Перовскій былъ вполнѣ сыномъ своего вѣка и нерѣдко самъ прибѣгалъ къ жестокимъ мѣрамъ наказанія, о чемъ можно читать въ „Запискахъ г.-м. Чернова“. („Труды“ О. У. А. К., вып. XVIII). Перовскій управлялъ оренбургскимъ краемъ два раза: съ 1833 года по 7 мая 1842 года онъ

Нисколько не измѣнилось послѣ прошенія Матрены Тучиной и положеніе ея мужа, Евдокима Тучина, который попрежнему продолжалъ сидѣть подъ стражею въ оренбургскомъ тюремномъ замкѣ....

III.

Услужливый міровой посредникъ.

Трудно было отвыкать помѣщикамъ—крѣпостникамъ отъ прежнихъ своихъ порядковъ, нарушенныхъ реформой 19 февраля 1861 года, и привыкать къ новымъ.... Даже мировые посредники не сразу могли освоиться съ ними и иногда не прочь были сами попрежнему отечески посѣчь своего крестьянина на конюшнѣ. Иллюстраціей къ этому и послужитъ нашъ дальнѣйшій разсказъ.

Дѣло происходило въ Оренбургскомъ уѣздѣ. Какъ—то въ имѣніи г-жи Щербачевой [1]) одинъ изъ рабочихъ, нанявшійся на цѣлый годъ, „отошелъ самовольно до срока, при чемъ подговаривалъ и другихъ работниковъ сдѣлать то же самое“. [2]) Что тутъ дѣлать? Какъ быть? —Вѣдь этакъ, пожалуй, могутъ разбѣжаться и всѣ рабочіе.... Но нужда бываетъ находчива. Къ счастью г-жи Щербачевой въ 4-мъ участкѣ Оренбургскаго уѣзда, къ которому принадлежало ея имѣніе, служилъ тогда міровымъ посредникомъ нашъ старый знакомецъ, коллеж-

---

былъ здѣсь военнымъ губернаторомъ, а 22 марта 1851 года былъ назначенъ оренбургскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ. (Н. М. Чернавскій: „Оренбургская епархія“, вып. II, стр. 908—909). 14 апрѣля 1855 года за свои заслуги онъ былъ возведенъ въ графское достоинство, а въ 1857 году вышелъ въ отставку и поселился въ Крыму—въ Алупкѣ, гдѣ и умеръ въ томъ же году 8 декабря. (Тамъ же, стр. 430). Въ память Перовскаго одна изъ улицъ города Оренбурга названа Перовской.

[1]) Фамилія Щербачевыхъ была одно время очень извѣстна въ Оренбургской губерніи. Лихой ротмистръ Сергѣй Николаевичъ Щербачевъ въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія служилъ полицеймейстеромъ въ Оренбургѣ. Онъ такъ умѣлъ угодить губернатору Перовскому, что тотъ подарилъ ему свою загородную дачу, нынѣшній архіерейскій домъ. Но губернаторъ Обручевъ (1842—1851 г.) за склонность Щербачева къ взяточничеству и лихоимству заставилъ его покинуть свою должность. Тогда Щербачевъ заплатилъ 5 тысячъ предсѣдателю оренбургской казенной палаты Случевскому и за это былъ опредѣленъ чиновникомъ казенной палаты при илецкомъ соляномъ правленіи. Тамъ онъ утвердился довольно прочно, прослужилъ болѣе 10-ти лѣтъ и нажилъ огромное состояніе, на которое пріобрѣлъ нѣсколько имѣній. Вотъ какимъ путемъ фамилія Щербачевыхъ сдѣлалась извѣстной въ Оренбургской губерніи. („Труды“ О. У. А. К., вып. XVIII. стр. 103 и „Изъ прошлаго оренбургскаго края“ П. Н. Столпянскаго. изд. 1906 года. стр 23).

[2]) Архивъ О. У. А., отд. секретн., дѣло отъ 5 февраля 1864 г., стр. 4.

скій регистраторъ Николай Станиславовичъ Ціолковскій [1]) Онъ—большой любитель порядка въ хозяйствѣ, думаетъ г-жа Щербачева, къ нему и надо обратиться, тѣмъ болѣе, что ушедшій самовольно рабочій былъ временно-обязанный крестьянинъ деревни Поляковки, г. Ціолковскаго". [2]) Какъ задумала г-жа Щербачева, такъ и сдѣлала, и она не ошиблась въ расчетахъ...

Мировой посредникъ—коллежскій регистраторъ Николай Ціолковскій оказался человѣкомъ крайне услужливымъ. Когда управляющій Щербачевой, нѣмецъ Бархаргъ, пожаловался отъ ея имени мировому посреднику Ціолковскому на крестьянина Негра Прокофьева (такъ звали виновнаго), то онъ живо разобралъ дѣло и сдѣлалъ такое постановленіе: „Принимая во вниманіе, что Прокофьевъ и ранѣе сего не разъ находился въ бѣгахъ [3]) и что оставить безъ взысканія поступокъ его онъ не въ правѣ, взыскать же съ него штрафъ по бѣдности невозможно, посадить подъ арестъ—значитъ еще на нѣсколько дней лишить нанимателя рабочихъ рукъ, а потому наказать (его) 20-ю ударами розогъ" [4]).

Вотъ какъ предусмотрителенъ и любезно—предупредителенъ былъ оренбургскій Соломонъ, г. Ціолковскій, но, къ несчастію своему, онъ не ограничился только этимъ, а пошелъ въ своей предупредительности еще дальше... Чтобы быть любезнымъ до конца Ціолковскій не сталъ дожидаться исполненія своего приговора „чрезъ сельское начальство или полицію", какъ то слѣдовало по закону, а тотчасъ же отослалъ Прокофьева на свою конюшню и въ своемъ присутствіи жестоко наказалъ его „чрезъ разсыльнаго Ломонцева" [5]). Но не въ добрый часъ совершилъ Ціолковскій эту расправу: она вскорѣ надѣлала не мало хлопотъ не только ему самому, а и всему оренбургскому губернскому начальству. Дѣло вышло такъ.

Крестьянинъ Прокофьевъ, считая неправильнымъ наказаніе, данное ему мировымъ посредникомъ Ціолковскимъ, поспѣшилъ обратиться съ жалобой на него къ судебному слѣдователю 3-го участка Оренбургскаго уѣзда. Послѣдній же, сдѣлавъ надлежащее освидѣтельствованіе и отобравъ отъ Прокофьева—„въ подтвержденіе предъявленія" —показаніе, составилъ по

---

[1]) См. нашу статью: „Въ деревнѣ Андреевкѣ").

[2]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 5 февраля 1864 г., стр. 3.

[3]) Это было довольно обычнымъ явленіемъ въ имѣніи гг. Ціолковскихъ. См нашу статью: „Въ деревнѣ Андреевкѣ").

[4]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 5 февраля 1864 года стр. 6.

[5]) Тамъ же стр. и 36.

этому поводу актъ, въ которомъ написалъ, „что Прокофеву дано было до 100 ударовъ". Актъ этотъ судебный слѣдователь представилъ оренбургскому губернскому правленію, которое съ своей стороны—на основаніи 126 и 127 ст. Положенія о губ. и уѣздн. по крест. дѣл. учрежд.—препроводило его 28 іюня 1863 года въ губернское присутствіе, вслѣдствіе чего оно просило своего члена, коллежскаго совѣтника Эверсмана, произвести по этому дѣлу дознаніе.

Хотя дознаніе, произведенное г. Эверсманомъ, не могло установить точно,—„сколько розогъ было дано" Прокофьеву, такъ какъ по словамъ опрошенныхъ имъ понятыхъ *„20 розогъ оставляютъ иногда болѣе знаковъ, чѣмъ сто"*, [1]) но тѣмъ не менѣе оно вполнѣ подтвердило тотъ фактъ, что наказаніе Прокофьева было совершено въ присутствіи самого мирового посредника Ціолковскаго чрезъ его разсыльнаго Ломонцева и въ его же собственномъ домѣ [2]). Результаты этого дознанія были подробно изложены г. Эверсманомъ въ его отношеніи отъ 12 ноября 1863 года. Подъ первымъ впечатлѣніемъ отношенія г. Эверсмана губернское присутсвіе хотѣло было прямо сдѣлать постановленіе о представленіи мирового посредника Ціолковскаго къ удаленію отъ занимаемой должности, но впослѣдствіи отказалось отъ этой мысли и порѣшило представить все дѣло на рѣшеніе правительствующаго сената. Такое измѣненіе произошло главнымъ образомъ, какъ можно думать, подъ вліяніемъ конфиденціальнаго отнсшенія оренбургскаго генералъ-губернатора—Александра Павловича Безака (1860—1864 г.) къ предсѣдателю губернскаго присутствія, гражданскому губернатору—Григорію Сергѣевичу Аксакову, [3]) которому 5 февраля 1864 года Безакъ писалъ слѣдующее:

„Милостивый Государь
Григорій Сергѣевичъ.

При личномъ свиданіи со мною ваше высокопревосходительство объяснили, что въ оренбургскомъ губернскомъ по-

---

[1]) Тамъ же, стр. 5.
[2]) Тамъ же, стр. 4 и 6
[3]) Упоминаем здѣсь оренбургскій гражданскій губернаторъ Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ—родной братъ извѣстнаго писателя Ивана Сергѣевича Аксакова. Считаемъ не безъинтереснымъ отмѣтить попутно, что, не смотря на свое званіе оренбургскаго гражданскаго губернатора, Г. С. Аксаковъ жилъ въ данное время въ г. Уфѣ, такъ какъ до раздѣленія Ореобургской губерніи (5 мая 1865 года) на Уфимскую и собственно Оренбургскую губерніи гражданское управленіе этой губерніи находилось въ г. Уфѣ, а военное управленіе—въ г. Оренбургѣ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, между прочимъ, обычная медленность дѣлопроизводства въ Оренбургѣ того времени.

крестьянскимъ дѣламъ присутствіи составляется постановленіе о представленіи мирового посредника 4-го участка Оренбургскаго уѣзда, коллежскаго регистратора Ціолковскаго, къ удаленію отъ занимаемой должности.

Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить васъ, м. г., увѣдомись меня,—состоялось нынѣ такое постановленіе, сдѣлано-ли по оному представленіе въ правительствующій сенатъ и въ утвердительномъ случаѣ,—какого именно содержанія?“ [1])

Въ отвѣтъ на это отношеніе генералъ-губернатора Безака предсѣдатель губернскаго присутствія 14 февраля того-же 1864 года послалъ ему тоже конфиденціальное донесеніе, въ которомъ послѣ очень подробнаго изложенія уже извѣстныхъ намъ обстоятельствъ говорилось вотъ что:

„При слушаніи доклада по сему дѣлу въ губернскомъ присутствіи между членами онаго произошло разногласіе: г. предсѣдатель, находя дѣйствія посредника неправильными потому 1, что не было добросовѣстныхъ при разбирательствѣ дѣла посредникомъ, 2, что наказаніе произведено чрезъ разсыльнаго въ домѣ посредника, а не чрезъ сельское начальство или полицію, полагалъ, что дознаніе заключаетъ въ себѣ достаточно данныхъ, чтобы испросить у правительствующаго сената разрѣшенія на производство формальнаго слѣдствія, не требуя отъ посредника допонительныхъ свѣдѣній. Г. членъ присутствія—Карташевскій [2]) полагалъ, что необходимо истребовать объясненіе отъ г. посредника относительно мѣста наказанія и причинъ несоблюденія посредникомъ установленныхъ правилъ. Съ мнѣніемъ г. предсѣдателя согласились члены: управляющій палаты государственныхъ имуществъ—А. Тимашевъ и губернскій прокуроръ—г. Амантовъ; съ мнѣніемъ же г. Карташевскаго согласился губернскій предводитель дворянства—В. Стобеусъ. Вслѣдствіе чего губернское присутствіе постановленіемъ на 11 декабря 1863 г. опредѣлило: исполнить по большинству голосовъ и представить дѣло въ правительствующій сенатъ.

Вслѣдъ за симъ мировой посредникъ, г. Ціолковскій, въ отношеніи отъ 31 декабря 1863 года за № 1, между прочимъ, объяснилъ присутствію, что не вызвалъ добросовѣстныхъ къ разбору дѣла потому, что не предстояло ни малѣйшей надобности,

---

[1]) Архивъ О. У. А. К. отд. секретн., дѣло отъ 5 февраля 1864 года, стр. 1.

[2]) Вѣроятно, родственникъ того умнаго и образованнаго Григорія Ивановича Карташевскаго, о которомъ весьма часто упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ и который былъ женатъ на сестрѣ послѣдняго—Надеждѣ Тимоѳеевнѣ.

такъ какъ Прокофьевъ самъ просилъ его, посредника, наказать его домашнимъ порядкомъ. Спасское волостное правленіе—при рапортѣ отъ 20 декабря 1863 года за № 413—представило въ губернское присутствіе прошеніе крестьянина Прокофьева, въ которомъ изложено, что онъ наказанъ посредникомъ справедливо за оскорбленіе управляющаго имѣніемъ и за неисполненіе своихъ обязанностей и не болѣе, какъ 20 розгами на конюшнѣ—по просьбѣ его, Прокофьева,—дабы избавиться стыда и огласки; на принесеніе же жалобы г. слѣдователю онъ былъ подученъ неблагонамѣренными людьми. При разсмотрѣніи поступившихъ отношенія мирового посредника и рапорта волостного правленія губернское присутствіе не нашло въ нихъ уясняющихъ обстоятельствъ, которыя бы устраняли необходимость производства формальнаго слѣдствія (и потому) на 11-е минувшаго января опредѣлило: не отмѣнять постановленія своего на 11-е декабря 1863 года. Между тѣмъ членъ губернскаго присутствія, коллежскій ассесоръ Карташевскій, въ мнѣніи своемъ къ журналу на 11-е января изложилъ, что послѣ сдѣланнаго Прокофьевымъ сознанія въ клеветѣ, взведенной на г. посредника Ціолковскаго и послѣ удостовѣренія самого жаловавшагося въ томъ, что онъ не былъ подвергнутъ наказанію свыше мѣры, опредѣленной закономъ, и что наказаніе произведено домашнимъ порядкомъ—по просьбѣ самого его, просителя—онъ, г. Карташевскій, не находитъ основанія къ производству формальнаго слѣдствія, но полагалъ-бы обязать г. Ціолковскаго соблюдать на будущее время правила указанныя въ ст. 80, 90 и 94 Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ. По выслушаніи мнѣнія г. Карташевскаго губернское присутствіе на 29-е января опредѣлило: согласно постановленія своего на 11-е декабря дѣло представить въ правительствующій сенатъ“ [1]).

Хотя весьма возможно, что сознаніе крестьянина Прокофьева въ клеветѣ было вынуждено угрозами или жестокими истязаніями со стороны Ціолковскаго, почему губернское присутствіе и не нашло въ немъ „уясняющихъ обстоятельствъ“, но тѣмъ не менѣе оно оказало очень большую услугу Ціолковскому. 28 сентября 1864 года правительствующій сенатъ послалъ въ оренбургское губернское присутствіе указъ съ такой резолюціей:

„Принимая во вниманіе, что крестьянинъ Прокофьевъ поданнымъ въ губернское присутствіе прошеніемъ сознался въ

---

[1]) Тамъ же, стр. 6—9.

клеветѣ, взведенной на посредника и удостовѣрилъ, что онъ былъ подвергнутъ наказанію не свыше мѣры, посреднику закономъ предоставленной, правительствующій сенатъ не находитъ основаній къ подверженію мирового посредника Ціолковскаго какому-либо по сему дѣлу взысканію, а потому опредѣляетъ оставить его свободнымъ отъ всякаго взысканія по предмету наказанія крестьянина Прокофьева“ [1]).

Этой милостивой резолюціей сената и окончилось дѣло „О мировомъ посредникѣ 4-го участка Оренбургскаго уѣзда—коллежскомъ регистраторѣ Ціолковскомъ—объ удаленіи его отъ занимаемой должности“. Однако услужливый мировой посредникъ не сумѣлъ воспользоваться жизненнымъ урокомъ, преподаннымъ ему этимъ дѣломъ. Онъ до конца остался вѣренъ своимъ старымъ крѣпостническимъ привычкамъ и, поэтому, когда надъ этими привычками стали постепенно брать перевѣсъ новыя, вызванныя реформой 19 февраля 1861 года, ему пришлось остаться не у дѣлъ—„за штатомъ“. Это случилось въ 1868 году. [2]) Тогда Ціолковскій сталъ наниматься, какъ говоритъ И. В. Черновъ, въ лѣсную кампанію „наблюдать за не расхищеніемъ лѣса прибрежными жителями“ [3]) Здѣсь своеобразная услужливость бывшаго мирового посредника нашла себѣ полное приложеніе и входила даже въ разсчеты его нанимателей. Вотъ какимъ невиднымъ служебнымъ поприщемъ закончилась карьера коллежскаго регистратора Николая Ціолковскаго. Родись онъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ ранѣе,—жизнь его сложилась бы совсѣмъ иначе и ему не пришлось бы испытывать тѣхъ жизненныхъ передрягъ, какія выпали на его долю. . .

II.

Въ первый день Пасхи.

Въ 1861 году Пасха была поздняя и пришлась на тотъ день, когда, по народному присловью, пастухъ „гонитъ животину на Юрьеву росу“, т. е. на „весенняго Егорья“ (23 апрѣля). Пасха безъ того для всѣхъ—радостный праздникъ, а когда она совпадаетъ съ „Егорьевымъ днемъ“, радость бываетъ

---

[1]) Тамъ же стр. 13
[2]) „Труды“ О. У. А. К., вып. XVIII, стр. 95.
[3]) Тамъ же.

еще полнѣе и свѣтлѣе. Но не радостно пришлось встрѣтить эту Пасху отставному казачьему уряднику Лосинцеву. . . „Не много примѣровъ такого буйства, писалъ одинъ изъ обывателей города Стерлитамака [1]) оренбургскому генералъ-губернатору Безаку, какое совершилось въ стерлитамакскомъ храмѣ *въ первый день Пасхи*, во время заутрени". Происшествіе это тѣмъ болѣе важно, что оно произвело на народъ какое-то оглушительное впечатлѣніе и отняло у всѣхъ всякую надежду, чтобы Стерлитамакъ съ его несчастнымъ уѣздомъ когда-нибудь избавился отъ сумасброднаго управленія Левашовской фамиліи и ея родственниковъ.

Въ Стерлитамакѣ, продолжаетъ тотъ же обыватель, въ убогой кельѣ проживаетъ 70-лѣтній старикъ, отставной урядникъ Петръ Лосинцевъ,—тотъ самый, который въ 1859 году съ св. Аѳонской горы принесъ въ благословеніе оренбургскому краю икону Божіей Матери „Достойно есть". Во время утренняго богослуженія старикъ Лосинцевъ стоялъ въ алтарѣ Александро-Невскаго придѣла, который стеклянной дверью сообщается съ главной церковью. Изъ этой двери—передъ окончаніемъ утрени—вышелъ засѣдатель Кнорръ и направился прямо въ царскія двери. Относя это къ его забывчивости, Лосинцевъ легонько остановилъ его за руку и шопотомъ сказалъ, что здѣсь могутъ проходить одни священники, но Кнорръ, съ презрѣніемъ оттолкнувъ его руку, вновь отправился въ царскія двери. Здѣсь уже старикъ, какъ самъ онъ разсказывалъ многимъ, не могъ выдержать религіознаго порыва и громко сказалъ ему, что невѣжѣ—мужику только можно извинить такой поступокъ. Едва только слово „невѣжа" коснулось его слуха, какъ Кнорръ, забывъ, что онъ находится въ „дому Господнемъ", въ самомъ алтарѣ, при св. престолѣ, схватилъ Лосинцева за бороду и потащилъ въ царскія двери съ ругательными угрозаии—посадить въ полицію. По необходимости, уступая влекущей его силѣ, Лосинцевъ уже сдѣлалъ шагъ на завѣтное пространство между св. престоломъ и царскими вратами, но далѣе ни ожесточенное напряженіе Кнорра, ни чувствуемая старикомъ сильная боль не могли сдвинуть его съ мѣста, и озлобленный грѣшникъ принужденъ былъ оставить бороду, сѣдые волосы которой разсыпались по церковному помосту.

---

[1]) Стерлитамакъ—уѣздный городъ Уфимской губерніи. До 1865 года этотъ городъ входилъ въ составъ Оренбургской губерніи, къ которой до того времени принадлежала и вся нынѣшняя Уфимская губернія.

Эта позорная сцена произошла въ виду многочисленной толпы молившихся предъ алтаремъ Александро-Невскаго придѣла и произвела волненіе въ народѣ, такъ что церковный староста прислалъ сторожа узнать,—что такое происходитъ въ алтарѣ? Между тѣмъ Лосинцева окружили очевидцы этого неслыханнаго буйства: отставной капитанъ Черниковъ—Онучинъ съ сыномъ, тоже отставнымъ офицеромъ, за ними подошли купцы Иванъ Андреевъ Поповъ, Григорій Карповъ, Михаилъ Шишковъ, мѣщанинъ Николай Агафоновъ и потомъ церковный староста, купецъ Пономаревъ. Господинъ же Кнорръ, вѣроятно, не удовлетворивъ своего гнѣва, вновь вошелъ въ алтарь, по направленію къ Лосинцеву, но, увидавъ людей, удалился, а старикъ, подобравъ свои волосы, тутъ же отправился въ главный алтарь и предъявилъ о случившемся благочинному Софотерову. [1])

Вотъ какой тяжелый случай произошелъ въ стерлитамакскомъ храмѣ въ первый день Пасхи на глазахъ многихъ молящихся. . . Удручающее впечатлѣніе этого случая было тѣмъ сильнѣе, что главнымъ виновникомъ его явился не какой-нибудь безшабашный мѣщанинъ или дикій купчина, которымъ уже такъ на роду написано производить всякія дебоширства, а самъ представитель порядка, засѣдатель земскаго суда, да еще родственникъ такихъ видныхъ и вліятельныхъ людей въ Стерлитамакѣ, какъ Левашовы.

Какъ и слѣдовало ожидать, Левашовы, изъ которыхъ одинъ былъ стерлитамакскимъ предводителемъ дворянства, а другой—исправникомъ стерлитамакскаго земскаго суда, крѣпко вступились за своего свояка—Кнорра и угрозами [2]) принудили уряднника Лосинцева не подавать *письменнаго предъявленія* о поступкѣ Кнорра благочинному Софотерову, который подъ этимъ предлогомъ долго ничего не доносилъ мѣстному преосвященному о происшествіи въ стерлитамакскомъ храмѣ и сдѣлалъ это лишь тогда, когда получилъ предписаніе отъ него. Но тѣмъ не менѣе дѣло „о противозаконномъ поступкѣ чиновника Кнорра“ было начато и началось оно съ того самаго письма, которое мы только что привели и авторъ котораго счелъ благоразумнымъ укрыться подъ псевдонимомъ „Доброжелателева“.

Когда письмо Доброжелателева сдѣлалось извѣстнымъ оренбургскому генералъ-губернатору А. П. Безаку (съ 1860 по

---

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 2 мая 1861 года, стр. 1—2.

[2]) Левашевы пригрозили уряднику Лосинцеву тѣмъ, что выгонятъ его изъ Стерлитамака и ушлютъ въ станицу. (Тамъ же, стр. 2).

1864 годъ), то послѣдній 4 мая 1861 года предписалъ состоявшему при немъ „для особыхъ порученій чиновнику VI-го класса Тимашеву“ „произвести секретное дознаніе“ о поступкѣ Кнорра и о послѣдующемъ донести ему.[1]) Во исполненіе этого предписанія надворный совѣтникъ А. Тимашевъ уже 8 мая того же 1861 года писалъ слѣдующее:

„Получивъ сего числа предписаніе вашего высокопревосходительства отъ 4-го текущаго мая за № 64-мъ, съ приложеніемъ письма отъ имени Доброжелателева о поступкѣ засѣдателя Кнорра въ церкви во время утренняго богослуженія на первый день праздника святыя Пасхи,—имѣю честь донести, что съ первыхъ дней пріѣзда моего въ Стерлитамакъ до меня начали доходить слухи о семъ происшествіи.

Случай этотъ, по разсказамъ постороннихъ людей, происходилъ слѣдующимъ образомъ. Во время заутрени въ первый день св. Пасхи засѣдатель Кнорръ, слушая службу предъ главнымъ алтаремъ, былъ увѣдомленъ о внезапной болѣзни судьи Черемисова и—по требованію его—спѣшилъ къ больному для оказанія медицинской помощи. Въ церкви было очень тѣсно, почему г. Кнорръ принужденъ былъ взойти черезъ стеклянную дверь въ алтарь малого придѣла во имя св. Александра Невскаго и затѣмъ, дѣйствительно, намѣревался пройти далѣе чрезъ царскія двери. Стоявшій около нихъ въ алтарѣ урядникъ Лосинцевъ, какъ разсказываетъ будто-бы и самъ Кнорръ, схватилъ его за руку и сказалъ, что одни только скоты не знаютъ, что здѣсь нельзя проходить и что онъ, Кнорръ, выведенный изъ себя этой дерзостью, дѣйствительно, забылся и схватилъ его за бороду.

По другимъ же разсказамъ дѣло это происходило совершенно такъ, какъ описано въ письмѣ Доброжелателева.

Урядникъ Лосинцевъ хотѣлъ жаловаться на причиненное ему Кнорромъ оскорбленіе, но, какъ говорятъ, его убѣдили оставить свою претензію; были-ли при этомъ употреблены угрозы,—мнѣ положительно неизвѣстно[2]).

Вскорѣ послѣ этого рапорта Тимашева оренбургскій генералъ-губернаторъ получилъ подобныя же свѣдѣнія и отъ преосвященнаго Филарета, епископа уфимскаго и мензелинскаго[3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 4. Въ данное время чиновникъ особыхъ порученій почему-то находился не въ Оренбургѣ, а Стерлитамакѣ.

[2]) Тамъ же, стр. 7.

[3]) Епископъ Филаретъ (Малишевскій) управлялъ Уфимской епархіей съ 1860 по 1869 г. (Н. Чернавскій: „Оренбургская епархія“, вып. II, стр. 906). Попутно замѣтимъ здѣсь, что до открытія самостоятельной оренбургской епархіи (21 марта 859 г.) Оренбургская губернія въ церковномъ отношеніи была подчинена епископу уфимскому. (Тамъ же, вып. I, стр. 224).

Послѣдній вотъ что писалъ въ своемъ отношеніи отъ 25 мая 1861 года:

„На отношеніе вашего высокопревосходительства отъ 4-го и 14-го мая за №№ 65 и 66—о поступкѣ въ стерлитамакскомъ храмѣ засѣдателя тамошняго земскаго суда Кнорра—имѣю честь увѣдомить васъ, милостивѣйшій государь, что на предписаніе мое стерлитамакскій благочинный Софотеровъ представилъ по этому предмету слѣдующее объясненіе.

Въ первый день Пасхи, послѣ утрени, отставной урядникъ Лосинцевъ въ главномъ алтарѣ предъявилъ ему, благочинному, что засѣдатель земскаго суда Кнорръ во время пѣнія стихиръ Пасхи, когда весь народъ прикладывался къ св. кресту и христосовался съ духовенствомъ, пошелъ въ царскія врата Александро-Невскаго придѣла и что, когда Лосинцевъ замѣтилъ Кнорру, что мірянамъ не слѣдуетъ ходить въ эти двери, то Кнорръ будто-бы потрясъ его за бороду.

Но благочинный, свидѣтельствуя, что ни шума, ни замѣшательства во время богослуженія никакого не было, требовалъ о поступкѣ Кнорра отъ Лосинцева подать объявленіе на бумагѣ, отчего онъ отказался. На голословное же объявленіе Лосинцева благочинный не рѣшился мнѣ донести. Сдѣлавъ строжайшій выговоръ стерлитамакскому благочинному о недонесеніи безотложно о поступкѣ Кнорра, я предложилъ уфимской духовной консисторіи сдѣлать должное сношеніе о разслѣдованіи этого дѣла“ [1]).

Теперь мы въ правѣ были бы ожидать, что дѣло о поступкѣ засѣдателя земскаго суда Кнорра пойдетъ своимъ правильнымъ чередомъ и что этотъ засѣдатель получитъ должный урокъ за свою забывчивость и вспыльчивость. Но вышло совсѣмъ не такъ... По иниціативѣ исправника Левашова въ дѣло о Кноррѣ вдругъ вмѣшался оренбургскій гражданскій губернаторъ - Егоръ Ивановичъ Барановскій и сразу далъ такое направленіе этому дѣлу, что о Кноррѣ скоро совсѣмъ позабыли и вмѣсто него стали производить дознаніе надъ губернскимъ секретаремъ Василіемъ Зефировымъ... Какъ случилось это—будетъ видно изъ слѣдующаго очерка.

---

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 2 мая 1861 года, стр. 11.

VI.

Насилу выпутался.

Чтобы отвлечь вниманіе оренбургскаго начальства отъ стерлитамакскаго происшествія, описаннаго нами въ предыдущемъ очеркѣ, стерлитамакскій исправникъ Левашовъ рапортомъ своимъ отъ 6 мая 1861 года за № 4795 довелъ до свѣдѣнія оренбургскаго губернскаго правленія, что въ стерлитамакскій земскій судъ „поступилъ наполненный укоризнами присутственному мѣсту отзывъ г-жи Стрѣлковой, написанный рукою старшаго засѣдателя Зефирова, и что чиновникъ этотъ за потворство Стрѣлковымъ въ сбытѣ въ прошедшую навигацію неправильно пріобрѣтенныхъ лѣсныхъ издѣлій удаленъ, по распоряженію начальства, отъ должности, по представленію исправника (т. е. самого Левашова) и, питая за то мщеніе, подстрекаетъ жителей уѣзда къ подачѣ кляузныхъ просьбъ и объявленій“ [1]).

Никакое начальство не любитъ, когда его безпокоятъ, да еще указаніемъ на какіе-нибудь безпорядки. . . Не понравилось это и оренбургскому гражданскому губернатору Егору Ивановичу Барановскому, который сообщилъ о появившемся подстрекателѣ жандармскому подполковнику Колычеву, чтобы тотъ произвелъ дознаніе по этому поводу. Тогда Колычевъ самъ отправился въ г. Стерлитамакъ и пробылъ тамъ „около двухъ недѣль“, живя въ домѣ исправника Левашова. . . [2])

Какъ и слѣдовало ожидать, изъ произведеннаго подполковникомъ Колычевымъ дознанія выяснилось, что „подозрѣніе въ составленіи просьбъ и доносовъ или, по крайней мѣрѣ, къ подущенію другихъ лицъ къ подачѣ таковыхъ навлекаетъ на себя живущій въ г. Стерлитамакѣ коллежскій секретарь Василій Зефировъ, котораго губернское правленіе за противозаконные поступки по службѣ въ должности старшаго засѣдателя стерлитамакскаго земскаго суда, не оставляя при этой должности на дальнѣйшее время, признало подлежащимъ уголовному суду“. [3])

Производя дознаніе, подполковникъ Колычевъ не обошелъ мимо и стерлитамакскаго благочиннаго, священника Софотерова, который въ письменномъ отзывѣ объяснилъ ему, что „25 ап-

---

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 2 мая 1861 г., стр. 13.
[2]) Тамъ же, стр. 30.
[3]) Тамъ же, стр. 14.

рѣля (т. е. черезъ два дня послѣ сдѣланнаго ему, Софотерову, урядникомъ Лосинцевымъ предъявленія) отставной чиновникъ Зефировъ, дѣйствительно, приходилъ къ нему съ совѣтомъ донести объ обидѣ Лосинцева епархіальному начальству и предупреждалъ его, Софотерова, что объ обидѣ Лосинцева уже писано частно въ г. Оренбургъ". [1])

Всѣ эти свѣдѣнія очень пригодились гражданскому губернатору Барановскому и уже 30 іюня 1861 года онъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Безака, что такъ какъ донесеніе благочиннаго Софотерова было „слѣдствіемъ подущенія чиновника Зефирова, который, какъ самъ Софотеровъ удостовѣряетъ, убѣждалъ его это сдѣлать", то губернское правленіе „не считаетъ себя въ правѣ назначить слѣдствіе надъ старшимъ засѣдателемъ стерлитамакскаго земскаго суда Кнорромъ, а полагаетъ предварительно провѣрить это обстоятельство секретнымъ дознаніемъ" [2]).

Такимъ образомъ ходъ, сдѣланный исправникомъ Левашовымъ, при благосклонномъ содѣйствіи гражданскаго губернатора Барановскаго оказался вполнѣ удачнымъ: Кнорра совсѣмъ оставили въ покоѣ и больше уже не тревожили, а вмѣсто него подвели подъ слѣдствіе отставного чиновника Василіи Зефирова... Только съ большимъ трудомъ и послѣ долгой проволочки удалось послѣднему благополучно выпутаться изъ этого дѣла, да и то благодаря тому, вѣроятно, что какъ губернаторъ Барановскій, такъ и исправникъ Левашовъ, вскорѣ покинули свои должности... Въ ноябрѣ 1861 года уже самъ Зефировъ вынужденъ былъ обратиться къ оренбургскому и самарскому генералъ-губернатору Безаку съ такой докладной запиской:

„Извѣстно уже ваше высокопревосходительству, что, по распоряженію бывшаго гражданскаго губернатора, я съ прошлаго іюля нахожусь подъ слѣдствіемъ не по служебному какому-либо проступку, а по подозрѣнію въ составленіи доносовъ на нѣкоторые и весьма многимъ извѣстные поступки стерлитамакскаго исправника Левашева и засѣдателя Кнорра.

Для производства подобныхъ слѣдствій по 139 ст. XV т. кн. 2-й назначенъ мѣсячный срокъ, но губернское начальство томитъ меня уже пятый мѣсяцъ подъ тяжелымъ ожиданіемъ этого слѣдствія, отнимая тѣмъ и службу и время, слишкомъ драгоцѣнное для человѣка моихъ лѣтъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 15.
[2]) Тамъ же, стр. 16—17.

Умоляю ваше высопревосходительство,—не откажите мнѣ въ своемъ законномъ покровительствѣ, назначивъ окончательный срокъ для производства и представленія на благоусмотрѣніе ваше означеннаго слѣдствія". [1])

Какъ медленно велось на самомъ дѣлѣ слѣдствіе надъ Зефировымъ и въ чемъ его обвиняли,—можно видѣть изъ слѣдующаго, очень интереснаго, по нашему мнѣнію, его прошенія къ генералъ-губернатору Безаку:

„Стерлитамакскій земскій исправникъ, писалъ Зефировъ въ январѣ слѣдующаго 1862 года, Остроумовъ, которому оренбургскимъ губернскимъ правленіемъ поручено произвести надомной слѣдствіе о составленіи будто-бы кляузныхъ просьбъ и доносовъ, 4 сего января предъявилъ мнѣ указъ онаго правленія отъ 30 іюня 1861 года № 312.

Изъ указа этого видно, что гражданскій губернаторъ Барановскій, губернское правленіе, подполковникъ корпуса жандармовъ Колычевъ, стерлитамакскаго земскаго суда исправникъ Левашовъ и засѣдатель Кнорръ общими силами стараются дознать, что я—ябедникъ, что мною составлены кляузныя просьбы гиттенъ-фервальтеру Габову, помѣщицамъ Стрѣлковымъ, ратману [2]) мензелинской ратуши [3]) Стригину и что сочинена отъ имени зубовскаго (т. е. принадлежащаго помѣщицѣ Зубовой) крестьянина Луки Спиридонова записка о наказаніи его исправникомъ Левашевымъ за прочтеніе крестьянамъ всемилостивѣйшаго манифеста. Господинъ же Левашовъ пошелъ еще далѣе: онъ выводитъ на меня подстрекательство жителей цѣлаго уѣзда къ подачѣ на него просьбъ, не подкрѣпляя этого вывода никакими доказательствами. Стерлитамакскій благочинный Софотеровъ 16 мая прошлаго года за № 241 донесъ епархіальному начальству о вырваніи въ церкви бороды чиновникомъ Кнорромъ у урядника Лосинцева. Губернское же правленіе, относя это правливое донесеніе къ моему подстрекательству, вмѣсто формальнаго слѣдствія поручило произвесть надъ Кнорромъ только дознаніе.

Изъ изложенныхъ въ указѣ томъ обстоятельствъ я могу ясно видѣть, ваше высокопревосходительство, что *бывшій* [4]) гражданскій губернаторъ Барановскій, по новымъ происканъ Левашова, ищетъ окончательной моей гибели и ищетъ путемъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 25.
[2]) Ратманъ—нынѣшній городской голова.
[3]) Ратуша—нынѣшняя городская дума.
[4]) Курсивъ нашъ.

незаконнымъ, подвергнувъ меня уголовному слѣдствію безъ фактовъ, безъ ясныхъ уликъ и даже безъ необходимыхъ, требуемыхъ закономъ, сколько-нибудь уважительныхъ доказательствъ моей виновности. Позвольте же мнѣ, ваше высокопревосходительство, въ моемъ крайне стѣснительномъ положеніи прибѣгнуть подъ законную защиту вашу и покорнѣйше просить принять въ милостивое вниманіе слѣдующія обстоятельства:

1) Прошенія, подаваемыя въ присутственныя мѣста, по надлежащемъ разслѣдованіи заключающихся въ нихъ обстоятельствъ признаются кляузными только по опредѣленію судебныхъ присутственныхъ мѣстъ. Слѣдовательно, губернское правленіе въ настоящемъ случаѣ вышло изъ границъ опредѣленной ему закономъ административной власти.

2) Помѣщикъ Габовъ, какъ мнѣ извѣстно, жаловался вашему высокопревосходительству на разворенiе опекунами его имѣнія съ доказательствами, требовавшими повѣрки ихъ слѣдственнымъ порядкомъ. Предмѣстникъ же вашъ, генералъ-адъютантъ Катенинъ, [1]) въ 1860 году препроводилъ въ Губернское правленіе о томъ же просьбу сына Габова съ собственноручнымъ письмомъ опекуна Ушакова, гдѣ сей послѣдній самъ свидѣтельствуетъ противъ другого опекуна — Трубникова—въ разворенiи габовскаго имѣнія. И послѣ такихъ убѣжденій и доказательствъ со стороны Габова губернское правленіе, удовлетворившись объясненіемъ стерлитамакской дворянской опеки, на которую Габовъ въ особенности жаловался, признало просьбу его кляузною и, оставивъ сущность дѣла безъ разслѣдованія, готовится предать и безъ того обиженнаго просителя уголовному суду за дерзкія выраженія, тогда какъ прошеніе Габова подано было вашему высокопревосходительству и вамъ однимъ предоставлялось право судить объ ея неприличномъ изложеніи. Впрочемъ по 267 ст. 2-й части X тома зак. гражд. прошенія такого рода повелѣно возвращать просителямъ съ надписью, не дѣлая по онымъ никакого особаго заключенія.

3) Сочинители просьбъ излагаютъ сущность ихъ обыкновенно со словъ просителей и за неправильную жалобу, клевету и т. п. отвѣчаютъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда прошеніе составлено, переписано и подписано вмѣсто безграмотнаго просителя самимъ сочинителемъ и то еще въ такомъ разѣ, что проситель при слѣдствіи объявитъ и докажетъ, что изложен-

---

[1]) Генералъ-губернаторъ Александръ Андреевичъ Катенинъ управлялъ Оренбургской губерніей съ 1858 года по 1860 годъ.

ныя въ просьбѣ обстоятельства сочинитель написалъ безъ его вѣдома. Но помянутые въ указѣ губернскаго правленія лица, Стрѣлковъ и Габовъ, люди грамотные, даже образованные, а мѣщанинъ Стригинъ служилъ ратманомъ въ городовой ратушѣ.... Слѣдовательно, не могли (они) подписать безсознательно и потому законность и справедливость поданныхъ ими прошеній должны отстаивать лично сами. На какомъ же, спрашивается, основаніи за поданныя тѣми лицами просьбы губернское правленіе подвергло уголовному слѣдствію неподвѣдомственнаго ему чиновника и притомъ по такому обстоятельству, по которому онъ во всѣхъ случаяхъ завиненъ быть не можетъ?

4) Докладная записка садовника г-жи Зубовой—Луки Спиридонова—заключаетъ въ себѣ выводъ на стерлитамакскаго исправника Левашова въ наказаніи его розгами за прочтеніе всемилостивѣйшаго манифеста. Обстоятельство это, о которомъ, въ мою бытность, говорили, какъ о неслыханной дерзости исправника противъ высочайшей воли, оставлено безъ всякаго законнаго разслѣдованія, а г. штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ, проживая около 2-хъ недѣль въ домѣ Левашова, старался, по порученію гражданскаго губернатора, всѣми способами розыскать сочинителя докладной записки и указалъ на меня... Подозрѣніе свое г. Колычевъ основалъ только на томъ, что Спиридоновъ отперся отъ составленія этой записки и что я распрашивалъ сестру его, Пульхерію Андронову, объ обстоятельствахъ сдѣланнаго ему наказанія. Дѣйствительно, живя съ Андроновой въ одномъ домѣ, я съ живымъ любопытствомъ распрашивалъ ее о новыхъ проказахъ исправника Левашева, но то, что передано мнѣ, нисколько не завиняя меня въ составленіи записки, служитъ только доказательствомъ того, что исправникъ Левашовъ не наказывалъ, а тиранилъ ея брата и не за какую-нибудь простую вину, а именно за прочтеніе манифеста. Запирательство же самого Спиридонова въ томъ, что докладная записка послана къ г. флигель-адъютанту Кричеру безъ его вѣдома, очевидно, произошло отъ страха, такъ какъ ужасная смерть крестьянина Мухина, засѣченнаго въ имѣніи Левашева за простую вину, свѣжа еще въ памяти левашовскихъ крестьянъ....

По многимъ другимъ обстоятельствамъ ваше высокопревосходительство изволите знать, что я во всѣхъ отношеніяхъ стѣсненъ губернскимъ начальствомъ.... У меня нѣтъ ни хода-

таевъ, ни заступниковъ, кромѣ закона; не откажите же мнѣ въ его покровительствѣ". [1])

Но, не смотря на это прошеніе Зефирова, въ которомъ слышится уже вопль настрадавшагося человѣка, слѣдствіе надъ нимъ подвинулось только тогда, когда мѣсто гражданскаго губернатора занялъ братъ извѣстнаго писателя Ивана Сергѣевича Аксакова—Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ. Послѣдній, какъ человѣкъ гуманный и справедливый, призналъ необходимымъ поручить слѣдствіе надъ Зефировымъ особому чиновнику и командировалъ „въ г. Стерлитамакъ губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго Сумарокова, предписавъ ему въ производствѣ этого слѣдствія не допускать ни малѣйшей медленности" [2]).

Какъ ни быстро однако пошло слѣдствіе надъ Зефировымъ, но тѣмъ не менѣе дѣло это окончилось только лишь 23 іюля 1863 года, когда генералъ-губернаторъ Безакъ получилъ донесеніе стерлитамакскаго уѣзднаго суда, что „чиновникъ Зефировъ рѣшеніемъ суда сего, постановленнымъ по дѣлу о сочиненіи будто-бы имъ фальшивыхъ и ябедническихъ просьбъ, учиненъ, по неимѣніи доказательствъ къ уликѣ его, отъ дѣла свободнымъ". [3])

Само собой понятно, что чиновникъ Зефировъ былъ очень радъ такому исходу дѣла и наученный горькимъ опытомъ больше уже не заикался о поступкѣ Кнорра. Постарались забыть о немъ и оренбургскія власти...

XII.

Оренбургскій либералъ.

(Къ біографіи М. В. Авдѣева).

Въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія пользовался большою извѣстностію въ литературномъ мірѣ романистъ Михаилъ Васильевичъ Авдѣевъ. Онъ родился въ Оренбургѣ 22 Сентября 1821 года. Отецъ его происходилъ изъ стариннаго казацкаго рода, привыкшаго занимать видныя должности въ уральскомъ войскѣ. Недовольный новыми порядками, стѣснившими старыя казацкія вольности, онъ со всѣмъ своимъ родомъ вышелъ изъ войска и поступилъ на гражданскую службу. Молодому Авдѣ-

---

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 2 мая 1861 г да, стр. 2—30.
[2]) Тамъ же, стр. 37.
[3]) Тамъ же, стр. 53.

еву очень посчастливилось при полученіи начальнаго образованія. Однимъ изъ первыхъ его учителей былъ сосланный въ Оренбургъ польскій политическій дѣятель, другъ Мицкевича и основатель извѣстнаго въ свое время виленскаго патріотическаго общества „Филаретовъ", магистръ философіи—Ѳома Карловичъ Заиъ. [1]) Онъ далъ первый толчекъ тому либеральному направленію, которымъ отмѣчены литературныя произведенія Авдѣева и его дѣятельность. Гимназическое образованіе получилъ Авдѣевъ въ уфимской гимназіи, но потомъ поступилъ въ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1842 г. съ чиномъ поручика. Послѣ того Авдѣевъ опредѣлился на службу въ Нижній Новгородъ и написалъ тамъ первую свою *большую* повѣсть „Варенька", которая вмѣстѣ съ „Записками Тамарина" и „Ивановымъ" была напечатана въ либеральномъ „Современникѣ" Н. А. Некрасова. Эти повѣсти создали Авдѣеву прочную литературную извѣстность и поставили его на ряду съ лучшими молодыми писателями того времени. Въ 1852 г., будучи уже въ чинѣ инженеръ-капитана, Авдѣевъ вышелъ въ отставку и поселился въ доставшейся ему отъ отца деревнѣ, расположенной въ одной изъ гористыхъ мѣстностей Стерлитамакскаго уѣзда, нынѣшней Уфимской, а въ то время еще Оренбургской губерніи. Во время крымской войны (1853—1856 гг.) Авдѣевъ былъ выбранъ начальникомъ дружины оренбургскаго ополченія [2]), но на театрѣ войны ему, повидимому, не пришлось быть, такъ какъ война къ тому времени уже кончилась...

Тогда въ слѣдующемъ, а именно въ 1857 году, Авдѣевъ предпринялъ поѣздку за границу. Это было время, когда, по словамъ самого Авдѣева, „на Россію пахнуло свѣжимъ воздухомъ, все заговорило о перемѣнахъ, кровь потекла въ жилахъ быстрѣе, чувствовалась потребность въ дѣятельности, въ движеніи". Захотѣлость дѣятельности и Авдѣеву.... Но прежде, чѣмъ дѣйствовать, „нужно хоть посмотрѣть, какъ другіе живутъ, нужно дознаться, что это за штука, которая становится у насъ поперекъ всякому развитію, подставляетъ ногу всякой, казалось бы, здраво задуманной вещи?" [3]) Короче сказать, нужно поучиться у другихъ... Такъ разсуждалъ Авдѣевъ,

---

[1]) Подробнѣе о Заиѣ см. въ нашей статьѣ: „Магистръ философіи Ѳома Карловичъ Заиъ въ Оренбургѣ".

[2]) Біографическія свѣдѣнія объ Авдѣевѣ заимствованы нами изъ „Критико-біографическаго словаря русскихъ писателей и ученыхъ" С. А. Венгерова, изд. 1889 г. да, т. I, стр. 47—48.

[3]) Авдѣевъ: „Межъ двухъ огней", изд. 1869 года, стр. 47.

БИБЛИОТЕКА

когда задумалъ побывать за границей. И вотъ, на заработанныя литературнымъ трудомъ[1]) деньги онъ отправляется за границу.

Сколько времени продолжалась эта поѣздка,—мы не беремся сказать, но несомнѣнно, что Авдѣевъ кое-чему научился за границей. Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо Авдѣева въ „Колоколъ“ Герцена, гдѣ онъ развивалъ ту мысль, что „реформы, въ которыхъ тогда чувствовалась насоятельная потребность, полезно было бы обсудить призывомъ депутатовъ“ [2]). Но эта мысль Авдѣева такъ и осталась только при немъ. Герценъ, знавшій его „только по имени, какъ литератора, благодарилъ его нѣсколькими строками“, но письма его не напечаталъ: „оно не согласовалось съ его образомъ мыслей“ [3]). Этимъ обстоятельствомъ ограничились всѣ сношенія Авдѣева съ Герценомъ. Въ Лондонъ, гдѣ жилъ тогда Герценъ, Авдѣевъ не поѣхалъ, хотя и пробылъ въ Парижѣ $1^1/_2$ мѣсяца [4]).

По возвращеніи изъ—за границы, Авдѣевъ былъ назначенъ правительствомъ членомъ оренбургскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, которое находилось тогда еще въ Уфѣ, а не въ Оренбургѣ. [5]) Это назначеніе Авдѣева, какъ можно судить по его автобіографическому роману „Межъ двухъ огней“, состоялось „въ исходѣ декабря 1860-года“, [6]) и давало ему полную возможность приложить свои силы и знаніе къ крестьянскому дѣлу, какъ называлъ онъ, крестьянскую реформу 19 февраля 1861 года. По объявленіи этой реформы, когда функціи мировыхъ посредниковъ отправлялись еще членами губернскаго присутствія, Авдѣевъ съ жаромъ принялся отстаивать интересы только—что освобожденнаго крестьянина и на этой почвѣ очень скоро столкнулся съ оребургскимъ дворянствомъ. Оно отомстило Авдѣеву за его дѣятельность тѣмъ, что распустило слухъ, будто онъ возмущаетъ крестьянъ противъ мѣстнаго дворянства и даже противъ государя, т. е. иными словами объявило его политическимъ агитаторомъ и человѣкомъ неблагонадежнымъ. Оренбургскій губернскій предводитель дворянства—Дурасовъ, знавшій о сношеніяхъ Авдѣева съ Герценомъ, прямо называлъ его „агентомъ Герцена“...[7])

---

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 3 апрѣля 1863 г. стр. 8.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же.
[5]) По раздѣленія Оренбургской губерніи на двѣ—Уфимскую и собственно Оренбургскую 5 мая 1865 г.) всѣ оренбургскія гражданскія учрежденія находились въ г. Уфѣ. Тамъ жилъ и оренбургскій гражданскій губернаторъ.
[6]) Авдѣевъ „Межъ двухъ огней“, изд. 1869 года, стр. 117.
[7]) Тамъ же, стр. 9.

Всѣ эти слухи, пущенные про Авдѣева оренбургскими консерваторами или „старыми дрождями", какъ называлъ ихъ самъ Авдѣевъ,[1]) заранѣе подготовили почву къ тому, что за нимъ строго слѣдили и дожидались только удобнаго случая, чтобы устранить его отъ должности члена оренбургскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, Такой случай вскорѣ и представился. 7 августа 1862 года оренбургскій генералъ—губернаторъ А. П. Безакъ [2]) получилъ извѣщеніе отъ товарища министра вн. дѣлъ, что „Авдѣевъ, по нахожденію его нынѣ въ С.—Петербургѣ, подвергнутъ аресту, бумаги же его препровождены въ слѣдственную комиссію". [3]) Увѣдомляя объ этомъ гражданскаго губернатора, генералъ —губернаторъ Безакъ уже 10 августа того же 1862 года покорнѣйше просилъ его „избрать на мѣсто помянутаго чиновника другого дворянина". [4])

Но этимъ только дѣло далеко не ограничилось... Впослѣдствіи тогдашній шефъ жандармовъ, генералъ—адъютантъ князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, писалъ генералъ—губернатору Безаку: „бывшій членъ оренбургскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, отставной инженеръ—капитанъ Михаилъ Авдѣевъ, оказавшійся виновнымъ въ предосудительной, въ политическомъ отношеніи, перепискѣ съ своими знакомыми, въ выраженіи сочувствія къ государственному преступнику Михайлову и въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми лицами, замѣченными въ неблагонадежности, и такъ какъ сверхъ того получены были свѣдѣнія, что онъ своимъ вліяніемъ и образомъ мыслей можетъ быть вреденъ въ Оренбургской губерніи, то въ августѣ мѣсяцѣ (1862 года) высочайше повелѣно, согласно постановленію комиссіи, [5]) выслать капитана Авдѣева на жительство въ г. Пензу, съ учрежденіемъ за нимъ полицейскаго надзора". [6])

Изъ этихъ словъ оффиціальнаго документа видно, что Авдѣевъ, поѣхавшій лѣтомъ 1862 года въ Петербургъ, уже не вернулся тогда въ свою деревню, а былъ отправленъ оттуда

---

[1]) Авдѣевъ. „Межъ двухъ огней", изд. 1869 года, стр. 509.
[2]) Управлялъ Оренбургской губерніей съ 1860 по 1864 годъ.
[3]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 7 августа 1862 года, стр. 1.
[4]) Тамъ же, стр. 2.
[5]) Здѣсь разумѣется слѣдственная комиссія «по дѣлу о распространеніи возмутительныхъ возваній». Эта комиссія была учреждена въ Петербургѣ въ 1862 г. и находилась тогда подъ предсѣдательствомъ статсъ секретаря князя Голицина. (Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 7 авг. 1862 г. стр. 1 и дѣло отъ 3 апрѣля 1863 года, стр. 1).
[6]) Архивъ О. У. А. К., тд. секртн., дѣло отъ 3 апрѣля 1863 года, стр. 12.

въ августѣ мѣсяцѣ того же года прямо въ г. Пензу. Какъ устроился Авдѣевъ въ Пензѣ, у кого онъ жилъ и съ кѣмъ имѣлъ общеніе,—объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ документальныхъ данныхъ, но зато съ полной достовѣрностью можемъ утверждать, что онъ очень скоро началъ хлопотать о дозволеніи ему возвратиться на жительство въ Оренбургскую губернію „для окончательныхъ соглашеній съ крестьянами и устройства другихъ своихъ дѣлъ“ [1]). Объ этомъ прежде всего можетъ свидѣтельствовать письмо, которое написалъ Авдѣевъ 23 февраля 1863 года къ оренбургскому генералъ-губернатору А. П. Безаку. Письмо это, которымъ мы уже пользовались отчасти, настолько характерно для его автора, дышетъ такой правдой и достоинствомъ, что мы рѣшимся привести его здѣсь цѣликомъ. Вотъ оно:

„Милостивый государь
Александръ Павловичъ.

Недавно я убѣдился, что единственной причиной моей ссылки и отказа къ возвращенію на родину—отзывъ, сдѣланный обо мнѣ вашимъ высокопревосходительствомъ. Къ сожалѣнію, я не знаю всѣхъ причинъ, которыя были поводомъ къ такому отзыву—(меня ни въ чемъ не обвиняли и не спрашивали оправданій),—но прежде, нежели позволяю себѣ положительно удостовѣрить васъ, что вы были введены на мой счетъ въ совершенное заблужденіе,—позвольте мнѣ съ полной откровенностью разъяснить вамъ, какъ частному человѣку, тѣ извѣстныя мнѣ обстоятельства, которыя прежде подавали вамъ случай составить обо мнѣ невыгодное мнѣніе, опровергать которыя я не имѣлъ случая, да и не придавалъ имъ серьезнаго значенія.

Дурасовъ, противъ избранія котораго я открыто возставалъ, увѣрилъ васъ, что я—агентъ Герцена и возстановлялъ на выборахъ дворянство. А такъ какъ нѣтъ клеветы, которая не имѣла бы своего зерна правды,—то вотъ на чемъ основалъ свой отзывъ Дурасовъ. Въ 57 году я въ одно время съ нимъ поѣхалъ за границу на деньги, заработанныя литературнымъ трудомъ (вы изволили сомнѣваться на счетъ моихъ источниковъ), —послалъ въ „Колоколъ“ письмо, гдѣ развивалъ мысль, что реформы, въ которыхъ тогда чувствовалась потребность, полезно бы обсудить призывомъ депутатовъ (впослѣдствіи, какъ вамъ извѣстно, правительство само дало эти реформы и хотя

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 3 апрѣля 1863 года, стр. 1.

въ другой формѣ, но совѣтовалось съ общественнымъ мнѣніемъ) Герценъ, знающій меня только по имени, какъ литератора, благодарилъ меня нѣсколькими строками, но письма моего не напечаталъ: оно не согласовалось съ его образомъ мыслей. Этимъ сношенія мои съ Герценомъ ограничились. Пробывъ 1½ мѣсяца въ Парижѣ, я даже не съѣздилъ въ Лондонъ! Я не считалъ нужнымъ скрывать этого ни отъ кого, не скрывалъ и отъ Дурасова. Я привезъ съ собой 2—3 книги „Полярной Звѣзды", которыя года полтора валяются у одного лица, близко вамъ извѣстнаго: вотъ моя пропаганда! Болѣе за границею я не былъ, и только нынѣ—предъ арестомъ,—тоже на трудовыя деньги хотѣлъ съѣздить отдохнуть мѣсяца на два. Что касается до возбужденія дворянства, то достаточно сказать, что я дѣйствовалъ на этихъ выборахъ вмѣстѣ съ Г. С. Аксаковымъ [1]), чтобы объяснить истинный характеръ моихъ предложеній: они заключались въ необходимости жалованья предводителямъ и, по случаю толковъ о пресѣченіи мѣстнаго бича—конокрадства, о необходимости гласнаго суда и измѣненія судоустройства.

Я лучше Герцена знаю Россію и ея нужды, чтобы раздѣлять его мнѣнія, и далеко вышелъ изъ тѣхъ лѣтъ и умственной несостоятельности, когда увлекаются кѣмъ или чѣмъ—либо безсознательно. Что касается до прокламацій, неужели нужно и отъ нихъ отказываться. Впрочемъ, въ Уфѣ ихъ и не было. Переписка, найденная у меня, и мои письма, взятыя у Михайлова,— достаточно оправдываютъ меня,—по послѣднимъ мнѣ даже не сдѣлано ни одного вопроса.

Крестьянское дѣло возстановило противъ меня большинство дворянства. На какія нелѣпыя и пошлыя выдумки способна неразвитая и озлобленная сословность, достаточно сказать, что ежедневная—по совѣту доктора—прогулка моя, для которой я сшилъ полушубокъ, подала поводъ къ слуху, что я переряжаюсь. Къ счастію въ Уфѣ не было пожаровъ: меня бы навѣрное заподозрили въ поджогѣ.

Чтобы не говорили про мою дѣятельность, какъ члена присутствія, я не раскаиваюсь и не отступлюсь ни отъ одной іоты этой дѣятельности: я шелъ не противъ дворянства, я шелъ за право, и со временемъ дворянство увидитъ, что я вѣрнѣе

---

[1]) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ—братъ извѣстнаго писателя Ивана Сергѣевича Аксакова. Въ данное время онъ состоялъ оренбургскимъ гражданскимъ губернаторомъ и занялъ это мѣсто прямо послѣ Е. И. Барановскаго, о которомъ мы упоминали въ нашихъ предыдущихъ очеркахъ. Впослѣдствіи Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ назначенъ уфимскимъ губернаторомъ и былъ очень полезенъ Авдѣеву.

понимаю его обязанности и интересы. Я пользовался довѣріемъ крестьянства и думаю, что достигалъ этимъ правительственныхъ намѣреній. Какъ я употреблялъ это довѣріе, – доказываетъ мирный ходъ дѣла: и я смѣло приписываю своему вліянію часть этого благотворнаго исхода. И неужели бы смуты—если бы я хотѣлъ произвести ихъ, при тревожномъ состояніи народа,—не отразились бы немедленно,—и если бы я возбуждалъ народъ противъ царя, называлъ ли бы онъ меня царскимъ чиновникомъ и не заподозрилъ—ли бы немедленно?

Какъ ни дорого стоитъ мнѣ отзывъ вашего превосходительства, – но я не позволяю себѣ обвинять васъ: вся обстановка, слухи, даже несчастное совпаденіе фамилій были противъ меня и могли ввести въ то тревожное время въ заблужденіе. Но теперь, когда многое разъяснилось и установилось само собою, когда я позволяю себѣ торжественно заявить вамъ, что я не прибѣгалъ, да и несогласно съ убѣжденіями моими прибѣгать къ тайнымъ и незаконнымъ дѣйствіямъ для борьбы съ правительствомъ,—я смѣю надѣяться, что вы употребите всѣ зависящія отъ васъ средства удостовѣриться въ справедливости моихъ словъ и исправить ошибку, столь для меня тяжелую. Мнѣ отказано въ судѣ. Правительство безусловно вѣритъ вашему донесенію: вы одни можете опровергнуть его. Позвольте же просить ваше высокопревосходительство быть моимъ и своимъ судьею. Я не имѣю чести быть близко вамъ извѣстенъ, и слишкомъ самонадѣянно было бы требовать, чтобы вы во всемъ повѣрили мнѣ на слово. Но я убѣдительнѣйше прошу провѣрить мои слова и ваши свѣдѣнія. Можетъ быть, есть сомнѣнія и недоразумѣнія, которыхъ я не коснулся. Примите трудъ сдѣлать мнѣ всѣ вопросы, которые сочтете нужными, и я отвѣчу вамъ съ той откровенностью, которой всегда держался въ жизни. Я не говорю, какъ важно для меня оправданіе или, по крайней мѣрѣ, освобожденіе въ нравственномъ отношеніи, —ссылка и въ матеріальномъ разворяетъ меня: я не устроилъ дѣлъ съ своими крестьянами (которыхъ, дѣйствительно, купилъ годъ назадъ) и не закончилъ подряда. Смѣю надѣяться, что ваше высокопревосходительство выведете меня изъ настоящаго положенія, которое нынѣ зависитъ отъ васъ.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ я просилъ оффиціально гражданскаго губернатора (т. е. Г. С. Аксакова) представить вашему высокопревосходительству свое мнѣніе о моей дѣятельности и поступкахъ.

Позвольте просить васъ не оставить меня вашимъ отвѣтомъ и принять увѣреніе въ чувствахъ глубочайшаго уваженія и совершенной преданности, съ которымъ имѣю честь быть вашимъ милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою

Михаилъ Авдѣевъ.

Пенза.
23 февраля 1863 года.

Простите небрежность письма: я совсѣмъ болѣнъ“ [1]).

Съ подобною же просьбою обратился тогда Авдѣевъ и къ шефу жандармовъ, князю В. А. Долгорукову [2]). Хотя генералъ-губернаторъ Безакъ отвѣтилъ Авдѣеву въ томъ смыслѣ, что „въ настоящемъ его положеніи... онъ долженъ винить самого себя“, [3]) но тѣмъ не менѣе 11 мая 1863 года министръ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарь Валуевъ увѣдомилъ какъ пензенскаго, такъ и оренбургскаго начальника губерніи, что „государь императоръ высочайше соизволилъ разрѣшить Авдѣеву прожить три мѣсяца въ Оренбургской губерніи съ тѣмъ, чтобы и тамъ былъ продолженъ за нимъ полицейскій надзоръ [4]).

Что касается дальнѣйшей судьбы Авдѣева, то теперь намъ остается досказать немного.

Уѣхавъ изъ Пензы, всего вѣроятнѣе, въ самомъ концѣ мая 1863 года, Авдѣевъ 18 августа того же года получилъ разрѣшеніе „остаться нажительствѣ въ его имѣніи“, [5]) и больше уже не возвращался въ Пензу. Особенно много помогъ ему въ этомъ гражданскій губернаторъ Г. С. Аксаковъ, который 18 іюля 1863 года написалъ конфиденціально генералъ-губернатору Безаку, что онъ „полагалъ бы возможнымъ разрѣшить г. Авдѣеву проживаніе въ деревнѣ съ тѣмъ, чтобы на выѣздъ свой онъ всякій разъ испрашивалъ разрѣшеніе мѣстной власти или отъ меня“ [6]). Подъ этимъ условіемъ и былъ оставленъ Авдѣевъ на жительствѣ въ Оренбургской губерніи.

20 ноября 1864 года тотъ же Аксаковъ ходатайствовалъ „о разрѣшеніи г. Авдѣеву свободныхъ разъѣздовъ внутри и и внѣ губерніи и о сложеніи съ него полицейскаго надзора, съ оставленіемъ за нимъ секретнаго наблюденія“ [7]). Но это ходатайство Аксакова не встрѣтило сочувствія со стороны гене-

---

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд. секрети., дѣло отъ 3 апрѣля 1863 года, стр. 8—10.
[2]) Тамъ же, стр. 27 и 1.
[3]) Тамъ же, стр. 11.
[4]) Тамъ же, стр. 15.
[5]) Тамъ же, стр. 24
[6]) Тамъ же, стр. 1[illegible].
[7]) Тамъ же, стр. 45.

ралъ-губернатора Безака и послѣдній, „признавъ нужнымъ повременить таковымъ ходатайствомъ, не далъ оному хода“ [1]).

Однако, не смотря на это, 15 августа слѣдующаго 1865 года Авдѣеву разрѣшено было „отправиться въ Эмсъ и южныя страны для пользованія отъ болѣзни на шесть мѣсяцевъ“ [2]). Пробывъ тамъ этотъ срокъ, Авдѣевъ весною 1866 года вернулся въ Россію и сталъ по прежнему жить въ своемъ имѣніи [3]) – Буруновкѣ, гдѣ и окончилъ свой романъ „Межъ двухъ огней“, начатый въ Ниццѣ. [4])

Отъ полицейскаго же надзора Авдѣевъ былъ освобожденъ только лишь 17 апрѣля 1867 года. [5])

Умеръ Авдѣевъ I февраля 1876 года не въ своей деревнѣ Бурунувкѣ, а въ Петербургѣ. Похороны его были скромны. [6])

Такова была судьба оренбургскаго либерала, который никакъ не хотѣлъ удовлетворить тому желанію „старыхъ дождей,“—крѣпостниковъ, чтобы, какъ говоритъ одинъ поэтъ въ „Грачевскомъ крокодилѣ“ Салова,

„Съ помѣщикомъ крестьянинъ отнюдь не разбиралъ,
А просто—напросто ихъ далъ—бы, далъ—бы, далъ“... [7])

---

[1]) Тамъ же, стр. 54.

[2]) Тамъ же, стр. 57.

[3]) Тамъ же, стр. 60. По словамъ С. А. Венгерова, Авдѣеву было позволено уѣхать за границу «черезъ годъ» послѣ ссылки въ Пензу («Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ» С. А. Венгерова, изд. 1889 года, т. 1, стр. 48), но ввиду приведенныхъ нами документальныхъ данныхъ мы не можемъ признать вѣрнымъ это указаніе. Ошибочно также и то его указаніе, что Авдѣевъ прожилъ за границей въ эту поѣздку „нѣсколько лѣтъ“. (Тамъ же). Болѣзнь, для излѣченія которой Авдѣевъ ѣздилъ за границу была „хроническій катарръ легкихъ, кишечнаго канала и мочевыхъ путей“. Такъ значилось въ медицинскомъ свидѣтельствѣ, данномъ Авдѣеву «врачомъ уфимскаго дѣтскаго пріюта, надворнымъ совѣтникомъ Николаемъ, Александровымъ сыномъ, Гурвичемъ» (Архивъ О У А. К., отд. секретн. дѣло отъ 3 апрѣля 1863 года стр. 49). Съ этимъ согласилась и врачебная управа. (Тамъ же).

[4]) Авдѣевъ: „Межъ двухъ огней», изд. 1869 года, стр. 539.

[5]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 3 апрѣля 1863 года, стр. 72.

[6]) «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ» С. А. Венгерова, изд. 1889 г., т. 1, стр. 55.

[7]) „Сочиненія И. А. Салова“, изд. Вольфа, т. 1, стр. 100.

XIII.

«На жительство въ Оренбургъ безвыѣздно».

„Отъ ея напасти
Не уйти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ найдетъ,
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ."
(*Кольцовъ*).

Оренбургъ изстари, съ самаго своего основанія, былъ городомъ ссыльныхъ... Ссылали въ него и польскихъ повстанцевъ, и русскихъ, чѣмъ—либо вызвавшихъ недовольство правительства. Какъ легко было прежде попасть въ такую ссылку и къ чему она иногда приводила,—можно видѣть отчасти изъ примѣра оренбургскаго купца Ефима Никитина Ланкова, о которомъ мы и поведемъ сейчасъ нашу рѣчь. Это мы дѣлаемъ тѣмъ охотнѣе, что Ланкова привело въ Оренбургъ такое происшествіе, къ которому могутъ быть приложимы въ нѣкоторой мѣрѣ слова незабвеннаго Н. В. Гоголя: „Кто что ни говори, а подобныя происшествія бываютъ на свѣтѣ,—рѣдко, но бываютъ..."

Жилъ одно время въ московскомъ Донскомъ монастырѣ іеромонахъ Евгеній. Какого онъ былъ происхожденія,—мы не беремся сказать, но, какъ человѣкъ съ нѣкоторымъ образованіемъ [1]) и талантами, онъ очень скоро выдвинулся изъ рядовыхъ монаховъ и назначенъ былъ монастырскимъ ризничимъ. Быть можетъ, онъ достигъ бы и еще большаго... но тутъ случилась съ нимъ такая напасть, которая сразу перевернула всю его дальнѣйшую жизнь, что называется, шиворотъ—навыворотъ. Московская тайная полиція какъ-то провѣдала „о склонности" іеромонаха Евгенія къ одной дѣвушкѣ и довела объ этомъ до свѣдѣнія мѣстнаго епархіальнаго начальства. Тогда для разслѣдованія этого дѣла была назначена особая слѣдственная комиссія, которая 6-го марта 1830 года и сняла допросъ не только съ самого іеромонаха Евгенія, но и съ донского архимандрита съ братіей. Хотя всѣ отвѣты ихъ клонились къ „совершенному оправданію" іеромонаха Евгенія, но тѣмъ не менѣе, чтобы прекратить „разнесшіеся слухи," св. синодъ 1 іюня

---

[1]) Весьма вѣроятно, что іеромонахъ Евгеній происходилъ изъ купеческаго званія и учился нѣкоторое время въ московскомъ университетѣ.

1830 года предписалъ ризничаго Евгенія перевести изъ Донского монастыря „въ Солотчинскій монастырь Рязанской епархіи,“ гдѣ онъ и пробылъ „годъ и два мѣсяца.“ Уже, живя тамъ, іеромонахъ Евгеній 11 февраля 1831 года подалъ въ св. синодъ прошеніе о снятіи съ него сана—„по нежеланію его быть въ монашествѣ.“ Такъ какъ подобный случай былъ уже недавно и вызвалъ въ 1823 году особый указъ правительствующаго сената, [1]) то согласно этому указу 11 августа 1831 го-

---

1) Вотъ этотъ интересный по своимъ подробностямъ указъ: „По указу его императорскаго величества правительствующій сенатъ въ общемъ с.-петербургскихъ департаментовъ собраніи слушали предложенное господиномъ министромъ юстиціи высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи разсматриванъ (*sic*) докладъ правительствующаго сената общаго собранія с.-петербургскихъ департаментовъ по дѣлу о бывшемъ архимандритѣ Іоасафѣ Лебединскомъ, объявившемъ о желаніи поступить попрежнему въ статскую службу. Святѣйшій правительствующій синодъ, по разсмотрѣніи: во 1-хъ, прошенія бывшаго екатеринославской епархіи въ черноморской Екатеринослебежской—Николаевской пустынѣ настоятелемъ архимандрита Іоасафа о снятіи съ него священно-монашескаго сана и о обращеніи его въ первобытное свѣтское состояніе, потому что онъ по плотскому грѣхопаденію сознаетъ себя недостойнымъ долѣе оставаться въ духовномъ званіи, во 2-хъ, объявленія покойнаго преосвященнаго Михаила, митрополита новогородскаго, что онъ означеннаго архимандрита объ оставленіи предпринятаго имъ намѣренія касательно сложенія съ себя священно-монашескаго сана увѣщевалъ, но сей въ намѣреніи своемъ остался непреклоннымъ; и въ 3-хъ, справки по канцеляріи синода, что сей Іоасафъ постриженъ въ монашество въ 1800 году. родомъ же изъ дворянъ назывался прежде Іоанъ Лебединскій; предписали преосвященному митрополиту кіевскому Серапіону снять съ него, Іоасафа, священно-монашескій санъ и отослать подъ прежнимъ именемъ изъ декастеріи въ кіевское губернское правленіе на разсмотрѣніе. Вслѣдствіе чего Лебединскій присланъ былъ въ кіевское губернское правленіе и въ поданномъ въ оное правленіе прошеніи изъяснялъ, что онъ прежде вступленія въ монашество служилъ въ ономъ правленіи и былъ представленъ въ правительствующій сенатъ къ награжденію чиномъ, но оный—за выбытіемъ его изъ статской службы—ему не былъ объявленъ; получивъ же совершенное увольненіе изъ духовнаго званія и желая продолжать попрежнему статскую службу, просилъ объявить ему чинъ, каковымъ онъ отъ правительствующаго сената награжденъ. Губернское правленіе, удостовѣрясь, что онъ, Лебединскій, дѣйствительно находился на службѣ въ ономъ правленіи и произведенъ правительствующимъ сенатомъ въ чинъ коллежскаго регистратора, который—за выбытіемъ его Лебединскаго, изъ службы—объявленъ ему не былъ, и затѣмъ не осмѣливаясь само собою объявить ему пожалованный чинъ и привесть на оный къ присягѣ, представило о семъ на разрѣшеніе правительствующаго сената. Дѣло сіе—по происшедшему въ 1-мъ департаментѣ сената разногласію—разсматриваемо было въ общемъ собраніи правительствующаго сената, которое согласно мнѣнію министра юстиціи—большинствомъ голосовъ опредѣлило: въ просьбѣ бывшему архимандриту Лебединскому отказать и оставить его въ томъ званіи, какое носилъ онъ до поступленія въ монашество: на будущее же время постановить правиломъ, чтобы таковымъ, слагающимъ монашеское званіе вопреки данныхъ ими обѣтовъ—и отъ духовнаго правительства обращаемыхъ въ гражданское, предоставлять избирать родъ жизни, какой пожелаютъ, не возвращая имъ ни прежнихъ чиновъ и отличій, ни имѣнія ихъ. Государственный совѣтъ, находя заключеніе правительствующаго сената объ отказѣ Лебединскому въ чинѣ правильнымъ, мнѣніемъ полагаетъ оное утвердить, но съ тѣмъ, чтобы на будущее время постановлено было правило: слагающему съ себя монашеское званіе и обращаемому въ первобытное состояніе гражданское не возвращать уже того, отъ чего онъ при постриженіи своемъ однажды и навсегда предъ церковію отрекся, какъ-то имѣнія, чиновъ и знаковъ отличія, а предоставлять пользоваться тѣми токмо правами, кои принадлежали ему по рожденію. Одинъ же членъ представилъ особое по сему

да санъ былъ снятъ съ іеромонаха Евгенія, а ему самому предоставлено было право избрать родъ жизни „по собственному желанію.“ Тогда Ефимъ Никитинъ Ланковъ, какъ сталъ зваться попрежнему іеромонахъ Евгеній, приписался сначала къ рязанскому купечеству, а потомъ 7 октября 1831 года перечислился въ московскіе купцы и черезъ два дня послѣ того (9 октября 1831 года) женился „при многихъ благородныхъ свидѣтеляхъ“ на дочери „статскаго совѣтника Прокоповича—Антонскаго“ [1])—Ѳеодосіи. Вѣнчаніе происходило въ церкви подмосковнаго села Котловъ, въ 3-хъ верстахъ отъ Москвы.

Хотя бракъ Ланкова былъ заключенъ „съ согласія родителей“ невѣсты и съ формальной стороны не вызывалъ никакихъ сомнѣній въ его законности, но тѣмъ не менѣе однако онъ былъ поставленъ въ большую вину ему и вызвалъ строгія кары на его голову... Лишь только Ланковъ выправилъ было себѣ паспортъ на проѣздъ во всѣ города Россіи и хотѣлъ поѣхать въ Харьковъ, чтобы выдержать въ тамошнемъ университетѣ „экзаменъ на ученую степень,“ [2]) какъ вдругъ московскій

предмету мнѣніе, состоящее въ томъ, что есть ли (*sic*) кто впредь уволенъ будетъ духовнымъ начальствомъ—по желанію его—изъ монашества, таковой долженъ паки поступить въ тоже гражданское сословіе и пользоваться тѣмъ же свѣтскимъ чиномъ, въ коемъ онъ прежде поступленія въ монашество находился, ибо нарушеніе даннаго имъ при семъ случаѣ духовнаго обѣщанія есть предметъ для свѣтскаго правительства совершенно постороній; равномѣрно, есть-ли онъ—до вступленія въ монашество—имѣнія своего никому не подарилъ, не продалъ или не завѣщалъ, а обратилось оно къ наслѣдникамъ его и между тѣмъ отъ сихъ послѣднихъ не поступило по какимъ либо сдѣлкамъ въ другія руки, то и оно должно быть ему возвращено. Само собою разумѣется, что всѣ между тѣмъ по таковому имѣнію учиненныя законныя сдѣлки или сдѣланныя на оное законныя притязанія остаются въ своей силѣ. На семъ основаніи, по мнѣнію онаго члена, должно быть поступлено и въ отношеніи къ бывшему архимандриту Лебединскому, коему и во вратить тотъ чинъ, въ который онъ произведенъ былъ до поступленіе въ монашество. На подлинномъ написано собственною его императорскаго величества рукою: „Быть по мнѣнію большинства голосовъ. Царское село. 10 апрѣля 1823 года“. Приказали: о должномъ сего высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта исполненіи какъ въ кіевское, такъ и въ прочія губернскія правленія, послать указы, каковыми дать знать всѣмъ министрамъ, государственному контролеру, главноуправляющему путями сообщенія, военнымъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ, управляющимъ гражданскою частію и всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, въ святѣйшій синодъ и во всѣ департаменты правительствующаго сената сообщить свѣдѣнія. Іюля „ “ дня 1823 года“.

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд., секретн., дѣло отъ 4 февраля 1832 года стр. 38—39).

[1]) Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, на дочери котораго женился Ланковъ, былъ извѣстный въ свое время дѣятель по общественному просвѣщенію. Будучи профессоромъ Московскаго университета, онъ основалъ много ученыхъ обществъ и редактировалъ ученые журналы. Особую извѣстность Прокоповичъ-Антонскій пріобрѣлъ своимъ сочиненіемъ „О воспитаніи“ (М. 1798 года) и девятитомнымъ сборникомъ по всѣмъ отраслямъ естествознанія. Во время брака Ланкова онъ состоялъ уже въ должности ректора московскаго университета. Родился Прокоповичъ-Антонскій въ 1762 году, а умеръ въ 1842 г. („Большая Энциклопедія“, т. XV стр. 675 и „Оренбургская епархія“ Н. Чернавскаго, вып. II, стр 360).

[2]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 4 февраля 1823 года, стр. 34.

военный генералъ—губернаторъ получаетъ черезъ оберъ—прокурора св. синода, князя Мещерскаго, высочайшее повелѣніе „выслать сего разстригу на жительство въ Оренбургъ безвыѣздно.“ Это высочайшее повелѣніе состоялось 25 января 1832 года, [1]) а 27 января князь Мещерскій уже увѣдомилъ о немъ и оренбургскаго военнаго губернатора, графа Сухтелена. Увѣдомленіе было сдѣлано въ такихъ словахъ:

„Милостивый государь,
графъ Павелъ Петровичъ.

Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему о бывшемъ сперва въ московскомъ Донскомъ, а потомъ, рязанской епархіи, въ Солотчинскомъ монастырѣ іеромонахѣ Евгеніѣ, который—по сложеніи съ себя сего сана—женился въ Москвѣ и записанъ въ тамошнее 2-й гильдіи купечество, высочайше повелѣть соизволилъ выслать сего разстригу на жительство въ Оренбургъ безвыѣздно.

Сообщивъ высочайшую волю сію г. московскому военному генералъ—губернатору къ надлежащему исполненію, долгомъ почитаю увѣдомить о томъ и ваше сіятельство.

Съ совершеннымъ почтеніемъ таковою же преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою князь Петръ Мещерскій.“ [2])

Какъ ни привычны были оренбургскіе военные губернаторы того времени къ подобнымъ увѣдомленіямъ, однако крайній лаконизмъ этого увѣдомленія привелъ графа Сухтелена въ нѣкоторое недоумѣніе и поставилъ его въ затрудненіе. За это говоритъ слѣдующая резолюція графа Сухтелена: „Увѣдомить писалъ онъ, князя Мещерскаго, что мнѣ желательно въ дополненіе и для своего руководства знать: 1., слово „Оренбургъ“ относится—ли до самой только крѣпости или могу я оное распространить на губернію и въ оной на мѣста, гдѣ, можетъ быть, съ большею удобностію можно-бы было опредѣлить жительство сему разстригѣ? 2., Опредѣляется-ли ему производить какое—либо содержаніе? 3., Долженъ—ли онъ состоять подъ ближайшимъ завѣдываніемъ полиціи или духовенства? Наконецъ, на случай прибытія его жены или семейства соизволено—ли оному будетъ раздѣлять его ссылку или нѣтъ?“ [3])

Въ разъясненіе этихъ недоумѣній 15 февраля 1832 г. князь Мещерскій писалъ графу Сухтелену слѣдующее:

---

[1]) Тамъ же, стр. 35.
[2]) Тамъ же, стр. 1.
[3]) Тамъ же.

„На отношеніе вашего сіятельства отъ 6 сего февраля касательно назначенія пребыванія бывшему іеромонаху Евгенію честь имѣю отвѣтствовать вамъ, м. г., что поелику высочайшая государя императора воля, о помянутомъ разстригѣ послѣдовавшая, состоитъ въ томъ, чтобы онъ высланъ былъ изъ Москвы въ Оренбургъ для безвыѣзднаго тамъ жительства, то, по мнѣнію моему, слѣдуетъ отнести сіе не къ другимъ какимъ-либо мѣстамъ Оренбургской губерніи, а къ самому городу Оренбургу, гдѣ онъ долженъ имѣть пребываніе. Что же касается до прочихъ вопросовъ, изложенныхъ въ отношеніи вашего сіятельства и состоящихъ въ томъ, – производить-ли ему какое-либо содержаніе и долженъ-ли онъ состоять подъ завѣдываніемъ и надзоромъ полиціи или духовенства, а также на случай прибытія его жены или семейства,—должны-ли они раздѣлять его ссылку или нѣтъ, то на все сіе я никакихъ особыхъ высочайшихъ повелѣній не имѣю и потому, соображаясь съ вышеприписанною высочайшею волею, полагаю, что пребываніе его въ Оренбургѣ должно быть на собственномъ его содержаніи, что онъ долженъ состоять подъ надзоромъ полиціи въ томъ особенно вниманіи, чтобы не имѣлъ свободнаго оттуда выѣзда и что сіе до жены и семейства его относиться не можетъ, ибо объ нихъ въ высочайшемъ повелѣніи ничего не сказано.“ [1])

Почти одновременно съ этимъ разъясненіемъ, а именно 19 февраля 1832 года, отправленъ былъ изъ Москвы и самъ „разстрига“ Лапковъ. Отправленъ онъ былъ, какъ водится, этапнымъ порядкомъ и поэтому прибылъ въ Оренбургъ только лишь 3 марта 1832 года, какъ это можно видѣть изъ помѣты, сдѣланной на препроводительномъ отношеніи московскаго оберъ-полицеймейстера, полковника Муханова, который въ заключеніе своего отношенія писалъ графу Сухтелену: „Получивъ о семъ предписаніе господина московскаго военнаго генералъ-губернатора за № 100, я, представляя у сего означеннаго разстригу во исполненіе высочайшей воли къ вашему сіятельству, покорнѣйше прошу о принятіи почтить меня вашимъ увѣдомленіемъ, при чемъ имѣю честь присовокупить, что сей разстрига имѣетъ нынѣ имя—Ефимъ Никитинъ Лапковъ.“ [2])

У кого и гдѣ поселился Лапковъ на первыхъ порахъ своего пребыванія въ Оренбургѣ, [3]) куда пріѣхала и жена его, что-

---

[1]) Тамъ же, стр. 3.
[2]) Тамъ же, стр. 5.
[3]) Впослѣдствіи, какъ намъ извѣстно, Лапковъ жилъ на Грязной улицѣ, въ домѣ Богдановича, подъ № 130, противъ старообрядческой церкви (тамъ же, стр.

бы раздѣлить съ нимъ горькую участь,—мы не знаемъ, но за то можемъ съ полною достовѣрностью сказать, что вскорѣ же послѣ его пріѣзда тула на него обрушилась еще новая кара. 31 мая 1832 года св. синодъ постановилъ подвергнуть Ланкова семилѣтней церковной епитиміи, т. е. лишить его причастія св. Таинъ на семь лѣтъ, „дабы онъ восчувствовалъ, что снялъ санъ, который носилъ.“ [1]) Объ этомъ опредѣленіи св. синода, какъ водится, было сообщено преосвященному оренбургскому и уфимскому Михаилу (1831—1835 года) и онъ назначилъ Ланкову особаго духовника, которому было предоставлено право, „смотря на плоды покаянія, уменьшить срокъ епитиміи.“ [2]) Духовникомъ Ланкова былъ назначенъ священникъ Троицкой, въ г. Оренбургѣ, церкви Алексѣй Розановъ. [3])

Вотъ при какихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ пришлось поселиться Ланкову въ Оренбургѣ... Однако, „отличаясь примѣрно кроткимъ характеромъ и покорностію своему жребію,“ онъ терпѣливо переносилъ всѣ гоненія на него и этимъ скоро пріобрѣлъ себѣ „всеобщее уваженіе и сочувствіе“ оренбургскаго общества. [4]) Это сочувствіе выразилось въ томъ, что супруги Ланковы „были вездѣ приняты“ въ Оренбургѣ, [5]) тѣмъ болѣе, что самъ Ланковъ обладалъ искусствомъ живописи, которое и сдѣлалось здѣсь его постояннымъ занятіемъ. [6]) Тогда ободренный общимъ сочувствіемъ Ланковъ задумалъ пристроиться на службу въ губернаторскую канцелярію [7]) и съ просьбою объ этомъ обратился къ графу Сухтелену. Но послѣдній затруднился принять его безъ дозволенія государя и поэтому, „принимая въ уваженіе отлично скромное и благонравное сего человѣка поведеніе,“ обратился 28 февраля 1833 года къ тогдашнему шефу жандармовъ, графу А. Х. Бенкендорфу, „прося его исходатайствовать у всемилостивѣйшаго государя дозволеніе вступить Ланкову въ гражданскую службу,“ такъ какъ онъ—„по способностямъ его и при крайнемъ недостаткѣ хорошихъ чиновниковъ въ оренбургскомъ краѣ—могъ бы съ пользою для службы допущенъ быть къ опредѣленію.“ [8])

---

43), а потомъ онъ перешелъ въ домъ Есментовой, на Алексѣевской улицѣ (тамъ же, стр. 47).

[1]) Тамъ же стр. 35.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же стр. 48.

[4]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 4 февраля 1823 года, стр. 31.

[5]) Н. Чернавскій: „Оренбургская епархія“, вып. II, стр. 360.

[6]) Архивъ О. У. А. К. отд. секретн., дѣол. отъ 4 февраля 1832 года, стр. 35.

[7]) Тамъ же стр. 28.

[8]) Тамъ же, стр. 14.

Однако это обращеніе къ содѣйствію графа Бенкендорфа оказалось скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ для Ланкова, такъ какъ графъ Бенкендорфъ вмѣсто того, чтобы непосредственно ходатайствовать за него передъ государемъ, запросилъ предварительно мнѣнія оберъ - прокурора св. синода, д. с. с. Нечаева, а послѣдній категорически отвѣтилъ, что „на основаніи высочайше утвержденнаго въ 26 день октября минувшаго 1832 года мнѣнія государственнаго совѣта о монашествующихъ, слагающихъ санъ свой по собственной волѣ, не можетъ быть разрѣшено Ланкову вступить въ государственную службу.“ [1]) Послѣ такого неблагопріятнаго отзыва графъ Бенкендорфъ, какъ истинный придворный, забывшій, что на царскую милость нѣтъ закона, уже не рѣшился докладывать государю о Ланковѣ и объ этомъ было объявлено послѣднему 12 іюня 1833 года.

Нельзя не замѣтить, что высочайше утвержденное 26 октября 1832 года мнѣніе государственнаго совѣта было примѣнено къ Ланкову совершенно неправильно, такъ какъ онъ снялъ съ себя монашескій санъ и женился еще въ 1831 году, а никакой законъ, какъ извѣстно, обратнаго дѣйствія не имѣетъ.... Однако какъ-бы то ни было, разъ онъ былъ примѣненъ къ Ланкову, то послѣднему уже не оставалось никакой надежды приписаться къ оренбургскому купечеству 2-й гильдіи, а жена его подала въ тоже время прошеніе новому оренбургскому военному губернатору—В. А. Перовскому [3]) прошеніе объ исходатайствованіи „всемилостивѣйшаго разрѣшенія на выѣздъ ея мужа изъ Оренбурга и водворенія въ наслѣдованной ею послѣ матери деревнѣ“. Это прошеніе Ланковой поддержалъ и московскій военный генералъ-губернаторъ, князь А. Н. Голицынъ, который 30 января 1834 года послалъ Перовскому такое письмо-отношеніе:

„Милостивый государь
Василій Алексѣевичъ.

Состоящій въ особой при мнѣ канцеляріи надворный совѣтникъ Димитрій Прокоповичъ-Антонскій обратилъ мое вниманіе на сокрушающее его остоятельство въ отношеніи къ его родной сестрѣ, вступившей въ замужество за Ефима Ланкова, оставившаго монашество и нынѣ числящагося въ купеческомъ званіи.

---

[1]) Тамъ же, стр. 17.
[2]) Тамъ же.
[3]) 20 марта 1833 года графъ Сухтеленъ скоропостижно скончался, а его мѣсто занялъ генералъ-адъютантъ Василій Алексѣевичъ Перовскій.

Сей Ланковъ въ устраненіе соблазна по высочайшему повелѣнію высланъ въ 1832 году изъ Москвы на безвыѣздное жительство въ Оренбургъ, куда послѣдовала за нимъ и жена его. Находясь тамъ два уже года, успѣлъ онъ раскаяніемъ своимъ и скромнымъ поведеніемъ привлечь къ себѣ вниманіе предмѣстника вашего превосходительства, покойнаго графа Сухтелена, который черезъ посредство г. генералъ-адъютанта графа Бенкедорфа испрашивалъ высочайшаго соизволенія на опредѣленіе его въ свою канцелярію, при чемъ свидѣтельствовалъ о качествахъ его и способностяхъ.

Теперь жена Ланкова принесла вамъ просьбу объ испрошеніи всемилостивѣйшаго разрѣшенія на выѣздъ мужа ея изъ Оренбурга и водвореніе въ наслѣдованной ею послѣ матери деревнѣ.

По уваженію къ службѣ и ходатайству г. Антонскаго предпринялъ я рѣшимость препоручить въ покровительство ваше, м. г., просьбу и участь сестры его и ея мужа,—и просить васъ покорнѣйше войти съ милостивымъ участіемъ въ ихъ положеніе, которое отягощаетъ скорбію престарѣлаго отца ея и брата, и ей было и доселѣ бѣдственно.

Ожидая благосклоннаго употребленія вами начальственнаго въ семъ случаѣ предстательства и отзыва мнѣ на сіе,—прошу васъ принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ коими честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою князь Александръ Голицынъ." [1])

Но князь Голицынъ не дождался отъ Перовскаго его „благосклоннаго употребленія начальственнаго въ семъ случаѣ предстательства," такъ какъ послѣдній отвѣтилъ ему, что въ виду недавняго отзыва графа Бенкендорфа, послѣдовавшаго на представленіе графа Сухтелена, онъ не рѣшается „войти съ новымъ представленіемъ въ пользу Ланковыхъ, полагая, что сіе можетъ только произвесть повтореніе отказа и затруднить ходатайство объ нихъ на будущее время." [2]) Тоже самое, конечно, сказалъ Перовскій и женѣ Ланкова въ отвѣтъ на ея прошеніе....

Прошло три года послѣ этого... У Ланковыхъ родились дѣти, самъ Ланковъ вопреки своему желанію занялся какой-то „коммерціей," а духовникъ, видя его раскаяніе, окончилъ срокъ епитиміи и выдалъ ему 16 августа 1837 года свидѣтельство объ этомъ. Тогда жена Ланкова вскорѣ послѣ того взяла съ собой

---

[1]) Тамъ же, стр. 28—29.
[2]) Тамъ же, стр. 31.

ребенка и сама отправилась въ Петербургъ, чтобы исхлопотать мужу высочайшее дозволеніе „выѣзжать изъ Оренбурга и имѣть жительство вездѣ, гдѣ по коммерціи его найдетъ удобнымъ.“ [1]) Прожила она въ Петербургѣ довольно долго, подала тамъ прошеніе на высочайшее имя и добилась на первый разъ только того, что мужу ея предоставили право „обратиться съ просьбою о семъ къ мѣстному начальству...“ [2]) Вслѣдствіе этого 20 декабря 1837 года она написала Перовскому изъ Петербурга такое краткое, характерное и многосодержательное письмо:

„Ваше высокопревосходительство,
Милостивый государь,
Василій Алексѣевичъ.

Просьба мужа моего къ вашему высокопревосходительству дала мнѣ смѣлость васъ утруждать и моимъ прошеніемъ — взойти въ несчастное положеніе наше и не отказать намъ въ спасеніи. Живя здѣсь одна съ ребенкомъ, я не имѣю даже средствъ возвратиться въ Оренбургъ, не только проживать въ ономъ по моему состоянію, и къ тому же я очень нездорова.

Просьба мужа моего подана была его Величеству съ мыслію, что изъ комиссіи прошеній оная будетъ передана для доклада въ синодъ, но дѣло обратилось иначе... и ваше высокопревосходительство, конечно, по человѣколюбію вашему не откажетесь вникнуть въ положеніе наше и подадите руку помощи.

Съ истиннымъ высокопочтеніемъ имѣю честь быть милостивѣйшій государь, вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшая Федосья Ланкова.“ [3])

---

[1]) Тамъ же, стр. 47.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же стр. 46. Вотъ полный текстъ того прошенія Ланкова, которое онъ подалъ Перовскому и о которомъ упоминаетъ его жена въ своемъ письмѣ:

„Его Превосходительству,
Господину Оренбургскому военному губернатору, управляющему гражданскою частію и оренбургскимъ пограничнымъ краемъ, командиру отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, генералъ-лейтенанту, генералъ-адъютанту и кавалеру Василію Алексѣевичу Перовскому.
Оренбургскаго 2-й гильдіи купца Ефима Никитина, сына Ланкова
покорнѣйшее прошеніе.

Не безызвѣстно вашему высокопревосходительству, что по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, въ 25 день генваря 1832 года состоявшемуся за снятіе мною іеромонашества, высланъ я изъ Москвы на жительство въ Оренбургъ безвыѣздно; впослѣдствіи же времени и именно 26 числа октября того 1832 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, высочайше утвержденнымъ, узаконено не жить въ столицахъ сложившимъ монашество по прошеніямъ только въ продолженіи церковной епитиміи, а какъ я оставилъ іеромонашество по собственному своему желанію, а не по другимъ какимъ-либо причинамъ, и наложенную св. синодомъ на меня епитимію уже выполнилъ, что ваше высокопревосходительство

Вскорѣ послѣ этого письма, а именно 24 декабря 1838 года извѣстилъ Перовскаго и „статсъ—секретарь его императорскаго величества у принятія прошеній“ о томъ, что Ланкову предоставлено обратиться съ своею просьбою къ мѣстному начальству. [1])

Только послѣ всего этого рѣшился Перовскій обратиться и съ своимъ ходатайствомъ о разрѣшеніи Ланкову „имѣть выѣздъ изъ Оренбурга и жить, гдѣ признаетъ для себя удобнѣе.“ [2]) Это Перовскій сдѣлалъ 25 января 1838 года.

Однако это ходатайство Перовскаго было сдѣлано слишкомъ поздно и не принесло Ланкову никакой пользы, така какъ „государь императоръ, снисходя къ прошенію жены Ланкова и участію, принимаемому въ судьбѣ ихъ г. генералъ-адьютантомъ Адлербергомъ, [3]) всемилостивѣйше разрѣшилъ помянутому купцу Ланкову жить въ имѣніи жены его, состоящемъ въ Рязанской губерніи“. [4]) Въ виду этого министръ внутреннихъ дѣлъ, къ которому обратился Перовскій, не нашелъ возможнымъ ходатайствовать „предъ его императорскимъ величествомъ о новой милости для Ланкова“, [5]) о чемъ и увѣдомилъ его 20 февраля 1838 года.

Почти то же самое, но съ большими подробностями, сообщилъ Перовскому 18 марта 1838 года и графъ Бенкендорфъ,

---

изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго при семъ священническаго свидѣтельства, то желая воспользоваться симъ благодѣтельнымъ узаконеніемъ, повергалъ я на всемилостивѣйшее его императорскаго величества воззрѣніе прошеніе мое о дозволеніи мнѣ имѣть выѣздъ изъ Оренбурга и жить вездѣ, гдѣ по коммерческимъ моимъ занятіямъ найду удобнымъ. Но комиссія прошеній, не отказавъ совершенно въ удовлетвореніи сего моего прошенія предостазила обратиться съ онымъ къ мѣстному начальству.

По поводу сему осмѣливаюсь прибѣгнуть къ покровительству вашего высокопревосходительства и всепокорнѣйше просить войти въ стѣсненное и бѣдственное мое семейное положеніе и по свойственному особѣ вашей милосердію принять участіе ваше въ исходатайствованіи у всемилостивѣйшаго государя моего разрѣшеніе имѣть мнѣ выѣздъ изъ Оренбурга и жить вездѣ, гдѣ по комерческимъ моимъ занятіямъ найду удобнѣе.

Ваше высокопревосходительство. Не отриньте сей нижайшей просьбы: отъ одного только милостиваго воззрѣнія вашего превосходительства на состояніе наше зависитъ облегченіе участи стѣсненнаго, но давно уже благодѣтельствуемаго вами цѣлаго семейства. Генваря 8 дня 1838 года. Къ сему прошенію оренбургскій 2-й гильдіи купецъ Ефимъ Никитинъ, сынъ, Ланковъ, руку приложилъ“. (Тамъ же, стр. 45).

[1]) Тамъ же, стр. 47.

[2]) Тамъ же, стр. 49.

[3]) Генералъ-адьютантъ графъ Адлербергъ былъ любимымъ адьютантомъ государя Николая Павловича, который любилъ его, „какъ своего брата“. („Энцикоп. словарь“ т-ва бр. Гранатъ, т. 1, стр. 81). Графа Адлерберга, вѣроятно, просилъ о Ланковѣ московскій военный генералъ-губернаторъ, князь Голицынъ, послѣ своей неудачи у Перовскаго.

[4]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 4 февраля 1832 г., стр. 50.

[5]) Тамъ же.

который писалъ ему, что „въ недавнемъ времени, по ходатайству генералъ-адьютанта Адлерберга о разрѣшеніи жить Ланкову въ двухъ небольшихъ имѣніяхъ отца его жены, состоящихъ въ Московской и Рязанской губерніяхъ, государь императоръ дозволилъ Ланкову жительство именно въ Рязанской, а не Московской губерніи, Къ этому графъ Бенкендорфъ добавилъ еще одну, не лишенную интереса, подробность,—что онъ не считаетъ возможнымъ вновь докладывать его величеству о дозволеніи Ланкову „жить въ столицѣ, гдѣ бы онъ могъ усовершенствовать свой талантъ въ живописи и снискивать себѣ съ семействомъ пропитаніе“. [1])

Отношеніе графа Бенкендорфа было получено въ Оренбургѣ 1 апрѣля 1838 года и когда хотѣли объявить его Ланкову, то оказалось, что тотъ уже „отправился на жительство въ имѣніе жены— въ Тверской губерніи, получивъ на то разрѣшеніе, послѣдовавшее къ гражданскому губернатору, а отъ него чрезъ здѣшнюю полицію объявленное Ланкову“. [2])

Въ виду послѣдняго извѣстія о Ланковѣ нужно предположить, что жена его, заболѣвшая еще въ Петербургѣ, возвращаясь оттуда ранней весной 1838 г., сильно разболѣлась дорогой и остановилась въ своемъ тверскомъ имѣніи. Туда-то и поспѣшилъ Ланковъ съ любезнаго разрѣшенія оренбургскихъ властей, чтобы свидѣться съ своей женой. По всей вѣроятности, это свиданіе было послѣднимъ въ ихъ жизни, такъ какъ, по словамъ Р. Г. Игнатьева, который былъ современникомъ Ланковыхъ, „Антонская, уговорившая мужа къ растриженію и женитьбѣ на ней, скоро умерла; мужъ началъ мѣшаться въ умѣ и скоро послѣдовалъ за женой.“ [2])

Такъ трагична была судьба Ланковыхъ, которые несомнѣнно были людьми честными и доброй христіанской нравственности, почему и предпочли лучше вынести всѣ невзгоды, сопряженныя съ ихъ бракомъ, чѣмъ удовлетворять свои страсти „за монастырской стѣной...“ Къ сожалѣнію, нужно замѣтить, что и доселѣ еще надъ всѣми т. н. „разстригами“ тяготѣютъ тѣ самыя ограниченія и запрещенія, которыя впервые пришлось вынести на своихъ плечахъ супругамъ Ланковымъ и которыя, какъ можно думать, вызваны были именно ихъ поступкомъ, такъ какъ всѣ дѣйствующія теперь постановленія,

---

[7]) Тамъ же, стр. 57.
[1]) Тамъ же, стр. 58.
[2]) Р. Г. Игнатьевъ; „Преосвященный Михаилъ, епископъ оренбургскій и уфимскій“. Москва 1898 года, стр. 47—48).

касающіяся „разстригъ," по своему историческому происхожденію, относятся къ тридцатымъ годамъ прошлаго столѣтія, [1]) т. е. къ тому времени, когда произошли только—что описанныя нами обстоятельства.

IX.

Разрушеніе древней церкви.

«Новая церковь кирпичная
Гордо теперь возвышается
И заслоняетъ развалины
Старой»... (*Н. А. Некрасовъ*).

Въ Оренбургскомъ краѣ мало сохранилось древнихъ храмовъ... Не одно всесокрушающее время виновато въ томъ: на помощь ему приходили иногда и сами люди, которые доламывали то, что ветшало отъ времени и разрушительныхъ стихій. Иллюстраціей къ нашимъ словамъ можетъ послужить печальная судьба старой Преображенской церкви въ Орской крѣпости. Что случилось съ ней и при какихъ обстоятельствахъ, — объ этомъ мы и разскажемъ теперь, основываясь на одномъ дѣлѣ, сохранившемся въ архивѣ оренбургской ученой архивной комиссіи. [2])

Вскорѣ послѣ того какъ Оренбургъ, основанный первоначально на устьѣ рѣки Ори, былъ перенесенъ на Красную гору, а его крѣпость переименована въ Орскую,—въ послѣдней въ 1750 году была построена небольшая каменная церковь въ честь Преображенія Господня. Мѣсто для этой церкви было выбрано поблизости крѣпости, „на кругломъ каменномъ и довольно высокомъ курганѣ, верхъ коего состоитъ изъ яшмы краснаго цвѣта, а основаніе изъ мелкихъ камней, смѣшанныхъ съ твердою землею." [3])

Шло время, а вмѣстѣ съ тѣмъ ветшала постепенно и Преображенская церковь... Главнѣйшія поврежденія ея состояли въ слѣдующемъ: „стѣны мѣстами выпучились, крыша и потолки *деревянныя* сгнили, колокольня получила наклонное положеніе,

---

[1]) П. Нечаевъ: „Практическое руководство для священослужителей", изд. 1895 года, стр. 433.

[2]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 14 іюня 1862 года.

[3]) „Топографическое и статистическое описаніе Оренбургской губерніи" І. Дебу изд. 1837 года, стр. 176.

такъ что колокола для безопасности были сняты." Вслѣдствіе всего этого дѣло дошло до того, что въ Преображенской церкви совсѣмъ перестали совершать богослуженіе...

По этимъ причинамъ въ 1841 году Преображенская церковь была освидѣтельствована, дальнѣйшее поддержаніе и исправленіе ея признано невозможнымъ и начальствомъ Орской крѣпости было представлено ходатайство о построеніи новаго храма. Проектъ новой церкви восходилъ установленнымъ порядкомъ на разсмотрѣніе инженернаго департамента и въ 1844 году былъ „высочайше утвержденъ, съ ассигнованіемъ 10.000 рублей серебромъ на 1845 годъ, въ числѣ прочихъ строительныхъ предположеній по Оренбургскому краю." При этомъ „главнымъ начальникомъ края испрошено было высочайшее разрѣшеніе возвести новый храмъ не на горѣ, а на площади для большого удобства прихожанъ при посѣщеніи храма, въ особенности въ зимнее время, когда нерѣдко бываютъ бураны."

По всей вѣроятности, новая церковь была построена, какъ и предполагалось, въ строительный сезонъ 1845 года. Такъ мы думаемъ потому, что малороссійскій поэтъ Т. Г. Шевченко, служившій въ Орской крѣпости рядовымъ въ 1847 году, [1]) упоминаетъ въ своихъ произведеніяхъ не только о старой церкви, но и о новой. „Крѣпость Орская, пишетъ Шевченко, какъ нельзя болѣе, гармонируетъ съ окружающею ее мѣстностію: то же однообразіе и та же плоскость; отъ общаго колорита выдѣлялась лишь небольшая каменная крѣпостная церковь на горѣ, и при томъ, замѣтьте, на Яшмовой горѣ. Подъ горою съ одной стороны лѣпятся грязные татарскіе домики, а съ другой-инженерный дворъ съ казематами для каторжниковъ; противъ инженернаго двора длинное, низенькое бревенчатое строеніе съ квадратными небольшими окошками, это баталіонныя казармы; онѣ примыкали однимъ концомъ къ деревянному сараю, называемому экзерцисъ-гаусъ, а другимъ-выходили на четыреугольную площадь, украшенную *новою* каменною церковью и обставленную дрянными деревянными домиками." [2])

Но недолго просуществовала послѣ того старая крѣпостная церковь, которая, по словамъ Шевченки, выдѣлялась отъ общаго колорита и стояла на Яшмовой горѣ... Во время пожара, бывшаго въ Орской крѣпости въ 1860 году, она сгорѣла и отъ нея „уцѣлѣла только часть стѣнъ." Тогда начальство Орской

---

[1]) „Русскій Архивъ" 1898 года, № 12, стр. 550.
[2]) „Поэмы, повѣсти и разсказы" Т. Г. Шевченко, изд. 1888 года стр. 690.

крѣпости 23 января 1862 года постановило: „сломать наравнѣ съ другими зданіями и уцѣлѣвшія отъ пожара каменныя стѣны Спасо-Преображенской церкви."

Надо полагать, что это постановленіе орскаго крѣпостного начальства не особенно строго держалось въ секретѣ и потому скоро сдѣлалось извѣстнымъ нѣкоторымъ обывателямъ Орской крѣпости. Сдѣлалось оно извѣстнымъ и отставному инженеръ-подполковнику Эрасту Штегману, который, не смотря на свою нѣмецкую фамилію, былъ человѣкъ православный и почему-то очень дорожилъ старой крѣпостной церковью. Быть можетъ, у него были связаны съ нею какія-нибудь личныя воспоминанія, а, быть можетъ, и онъ находилъ, подобно Шевченкѣ, что эта церковь своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ выдѣляется отъ общаго колорита однообразной плоской мѣстности и нѣсколько оживляетъ унылый видъ степной крѣпости.

Такъ-ли оно было на самомъ дѣлѣ или у подполковника Штегмана имѣлись какія-либо другія основанія къ тому, чтобы дорожить обгорѣвшей старой церковью,-это не особенно важно въ данномъ случаѣ, но интересно то, что онъ рѣшился спасти орскую руину отъ грозившаго ей окончательнаго разрушенія. Объяснивъ постановленіе крѣпостного начальства „мудрствованіемъ христіанъ лютеранскаго вѣроисповѣданія," подполковникъ Штегманъ задумалъ довести объ этомъ до свѣдѣнія самого государя и съ этою цѣлью послалъ ему письмо, въ которомъ „выражалъ желаніе лично объяснить его величеству нѣкоторыя обстоятельства, открытіе коихъ послужило бы къ общей пользѣ," и просилъ, чтобы „его для того потребовали въ Петербургъ."

Въ отвѣтъ на эту оригинальную просьбу подполковника Штегмана ему предписано было изъ Петербурга, чтобы онъ письменно донесъ государю императору о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя предполагаетъ сдѣлать извѣстными его величеству и чтобы донесеніе свое прислалъ, если пожелаетъ, чрезъ посредство мѣстнаго жандармскаго штабъ-офицера Колычева съ надписью: „Въ собственныя руки его величества."

Но подполковникъ Штегманъ, повидимому, не очень довѣрялъ штабъ-офицеру Колычеву и потому „отозвался на это, что онъ желаетъ говорить съ государемъ безъ посредства полиціи," а вскорѣ послѣ того (26 апрѣля 1862 года) послалъ непосредственно государю новое письмо, въ которомъ писалъ: „Повели, государь, твоимъ приближеннымъ дать мнѣ средство и возможность предстать предъ тобою."

Прямымъ послѣдствіемъ этого новаго письма подполковни-

ка Штегмана было то, что тогдашній шефъ жандармовъ, генералъ-адьютантъ князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, 26 мая 1862 года отнесся уже прямо къ „Господину оренбургскому и самарскому генералъ-губернатору" Александру Павловичу Безаку (съ 1860 по 1864 годъ) и писалъ ему: „По высочайшему повелѣнію имѣю просить ваше высокопревосходительство о приказаніи потребовать отъ подполковника Штегмана письменное показаніе по тѣмъ предметамъ, которые онъ желаетъ открыть государю императору, предоставивъ ему прислать оное, какъ ему было уже предложено, въ запечатанномъ конвертѣ съ надписью: „Въ собственныя руки его величества."

Что написалъ государю подполковникъ Штегманъ на этотъ разъ,-намъ совершенно неизвѣстно, но за то мы хорошо знаемъ, что въ то же самое время онъ обратился и къ самому генералъ-губернатору Безаку съ просьбою о томъ, чтобы тотъ пріостановилъ ломку старой крѣпостной церкви и снесся отъ себя съ преосвященнымъ оренбургскимъ Варлаамомъ о разрѣшеніи выдать ему „книгу за скрѣпою и печатью на сборъ денегъ на возобновленіе этой церкви." Составленіе же проекта на предполагаемыя работы по возобновленію церкви подполковникъ Штегманъ бралъ лично на себя, чтобы ускорить дѣло и избѣжать лишнихъ расходовъ.

Но, къ сожалѣнію, это симпатичное предложеніе подполковника Штегмана не встрѣтило никакого сочувствія со стороны генералъ-губернатора Безака, который ничего не отвѣтилъ ему, а вмѣсто того 16 августа 1862 года увѣдомилъ князя Долгорукова, что „обгорѣвшія стѣны Спасо-Преображенской церкви уже разбираются казенными людьми"....

Вотъ при какихъ не совсѣмъ обычныхъ обстоятельствахъ была уазрушена старая Преображенская церковь въ Орской крѣпости, т. е. нынѣшнемъ городѣ Орскѣ. Не спасло ее отъ несчастной доли и оргинальное заступничество подполковника Штегмана... Нельзя не пожалѣть объ этомъ безцѣльномъ разрушеніи памятника церковной старины, который былъ бы очень дорогъ теперь, какъ свидѣтель первыхъ успѣховъ русскихъ въ новоприобрѣтенномъ Оренбургскомъ краѣ. Вѣдь, [illegible] никакъ колокола этой маленькой погибшей церкви раньше многихъ другихъ зазвонили надъ Яикомъ—рѣкой и звономъ этимъ, какъ говоритъ Даль, сказалась охрана Господня надъ всею обширною страною, а сила руская вторила ей гуломъ пушекъ"...[1])

Свящ. Н. Модестовъ.

[1]) „Полн. собр. сочин. Даля", изд. 1898 года, т. VII, стр. 182.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА